

Александр Пересвет

ПЛАТА КРОВЬЮ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Александр Пересвет

Плата кровью

«ВЕЧЕ»

2017

Пересвет А. А.

Плата кровью / А. А. Пересвет — «ВЕЧЕ», 2017 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7989-2

Донбасс. Шаткое перемирие, в которое не верит ни одна из сторон. И оно действительно вскоре взорвётся – штурмом Донецкого аэропорта и мясорубкой под Дебальцевом. В центре этих событий россиянин по гражданству и луганчанин по рождению Алексей Кравченко. Офицер, разведчик, он добровольцем приехал на Донбасс, потому что стоит за общую для всех страну, где все равны, независимо от национальной принадлежности, а элиты образуются не по нации, а по служению стране и народу. Он карает убийц своего отца, он раскрывает киевскую агентуру в Луганске, он освобождает свою землю от нечисти, что пришла на Донбасс убивать людей только за то, что те не хотят жить в «нэзалэжном» рейхе. Он собирает с врагов виру кровью. Но и сам платит за это...

ISBN 978-5-4484-7989-2

© Пересвет А. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Пересвет

Плата кровью

© Пересвет А., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Книга написана на основе реальных событий.

Впрочем, все совпадения случайны.

Автор

Глава 1

Куда их везли, было не видно. Конвоиры не снисходили до объяснений. Но по всему выходило, что путь получался каким-то мудрёным. Сначала поехали в одну сторону, затем явно развернулись. Петляли, подпрыгивая на дороге, потом остановились.

Сергей Зайцев, писатель, что помоложе, попросился дать опраться – а заодно пусть и руки перевяжут, а то отсохнут к чертям. Конвоиры поглумились некоторое время, похотывая над собственными же плоскими шутками на тему, что сделают с «поганим москалём», ежели тот забрызгает им машину. Но потом несколько образумились, позволили удовлетворить естественные надобности, и даже сняли на время эти пластиковые держатели. Срезали, точнее говоря. Позволили размять руки, потом дали каждому по рёбрам – не очень сильно – и снова загнали в будку на колёсах.

Рук уже не связывали. Зато завязали глаза и строго предупредили насчёт того, чтобы не вздумали снять повязки.

Потом куда-то поехали, куда-то приехали. Куда-то повели.

Вокруг чувствовалось оживление. Судя по гнилостному запаху давно не стиранной одежды, они находились в окружении солдат из ВСУ.

– Пленные, что ли? – обратился кто-то к их конвоирами.

– Больше! Четвёртую власть привезли! Журналистов!

– О! Это хорошо! Ох, и люблю же я пластать этих писак! Нагаечкой! Одно загляденье!

Говорят по-русски, хотя у второго явное украинское произношение. Не мягкое донбасское «гэканье», а такое глубинное, настоящее. Это что же, даже в карательных войсках на Донбассе русский язык у них является нормативным? Слышал про это, а тут вот факт увидел. Интересный фактик, надо будет использовать где-нибудь в репортаже.

Ага! Если он будет, репортаж тот. Пока что всё идёт плохо, ввинчиваясь в какую-то всё более глубокую спираль.

Ещё чей-то деловитый голос:

– Сепарские журналюги?

– Бери выше – россиянские!

– Ага-а! Дай-как я хоть одного прирежу!

– Но-но, борзой слишком! Ценная добыча, до штаба ведём...

Что характерно, диалоги по-прежнему велись исключительно на русском языке...

Завели в какой-то дом, развели по разным комнатам, снова связали руки. Начали допрашивать уже всерьёз: «Кто такие?... Кто послал?... Зачем?... Какое задание?...»

Били не сильно, но унизительно. Пощёчины отвешивали. Один «следователь» отчего-то щипаться начал, кожу выворачивать. Сильно, подлец, крутил, тут уж было больно по-настоящему!

Никакие ответы во внимание не принимались: каратели твердили только одно и то же: «Никакой ты не журналист! У тебя поддельные документы. Ты – вражеский шпион». Ну, агент «Путина-Суркова» – это уж так, дежурно...

Видя, что Александр стоит на своём (а ещё бы – иное поведение грозило крупными неприятностями, вплоть до смерти, а смерть, как говорится, – достаточно крупная неприятность), главный из допрашивающих начал психовать. Велел найти швабру, долго тряс ею перед носом задержанного, грозился вогнать её в зад по самое горло. Потом придумал идею получше, стал страшить казнью на колу: «Тут у нас фронт, законы тут свои. Мы тут пару сепаров недавно на палю посадили – ох, как они извивались! Долго умирали...»

Потом и вправду распорядился заготовить кол, с наслаждением продемонстрировал его Александру.

В иной ситуации посмеялся бы, пожав плечами: обычной палкой с заострённым концом угрожают. Но сейчас было не очень смешно. Совсем не смешно было, если признаться. Как-то вот верилось, что «укроп» может реально воткнуть её в человека.

В каком-то фильме Александр видел, как казнили на колу. Действительно, сидит человек анусом на острие, сползает потихоньку вниз, пропарывая себе внутренности, – а под ним пируют, смеются и поднимают бокалы его враги. Да уж, обидно так помирать. Унизительно...

Потом «следователь» куда-то вышел, вернулся злой. Сильно, жестоко ударил пленного носком берца по рёбрам. Александр слетел в табурета и некоторое время корчился в ногах у мучителей, не умея даже набрать воздуха в лёгкие. Блин, как больно-то! Если рёбра сломал, каюк мне – в условиях фашистского концлагеря с этим не выжить. А понятие фашистского концлагеря и поведение этих уродов вполне совпадали.

Они и были – чистые эсэсовцы. Даром что по-русски говорили...

– Получи, гнида кацапская, – зло прохрипел допросчик. – За весь украинский народ получи... И радуйся, пёс, что забирают вас отсюда. Только не сильно радуйся: там вас допросят уже по-настоящему! Молить будете о смерти!

Честно говоря, Александр про себя уже решил, что и сопротивляться не будет ей, смерти-то. Преданный собственным начальством, оказавшийся в ситуации безвыходной, приуготовляемый своими тюремщиками к чему-то явно позорному, он бы сейчас смерть и предпочёл.

Что есть смерть? Так, если по совести? Все мы, люди, говорил кто-то, – лишь мыслящая плесень, покрывающая планету. Покрываем её шевелящейся коркой из миллиардов себя, где каждый является не более чем клеткой и где смерть каждой клетки бесконечно важна для неё – и не существенна для этой самой плесени. Этаким получается интеграл, распадающийся на бесконечное множество бесконечно малых проявлений. И хотя для каждой личности она – бесконечно велика, ибо бесконечно окончательна, но сама личность есть ничто на весах Бытия. Личность бесконечна лишь в себе и для себя.

Следовательно, смерть этого «ничто» на весах Бытия и является ничем. И значит, всё это запутанное уравнение сводится в итоге лишь к одному бесспорному решению: сделай так, чтобы в твоём бесконечно великом Личном ты имел право не стесняться своей смерти.

Как умер Саша Корзун...

И потому Молчанов был готов умереть сейчас. Не от слабости и отчаяния. От осознания беспомощности своей перед тем, что задумают сделать с ними нацисты. От невозможности не стать для них куском позорно извивающегося от боли мяса.

А они именно что-то задумали и хотят изобразить на них и из них что-то очень низкое, но очень полезное для себя, для своей хунты, – в этом Александр был уверен уже на сто процентов. И смерть становилась не проявлением слабости и не жестом отчаяния – а последней возможностью смешать планы врагам, последним средством протеста. И борьбы...

Однако у поганых «укропов» были другие планы. Их, журналиста и двух писателей, снова согнали вместе, вновь перетянули руки сзади, пинками погнали к машине.

Ребята-писатели выглядели неважно: у Сергея заплыли оба глаза, из уголка рта протянулся ручеёк крови, уже подсохший. Второй писатель, Фёдор, припадал на одну ногу и вообще как-то неестественно кособочился при каждом движении – то ли рёбра повредили, то ли что похуже – внутри что отбили. Молодые, их и били по-настоящему, чтобы сломать. Сломали? Да нет, по поведению тюремщиков что-то незаметно. Ненавистью пышут, а не удовлетворением.

Запихали в машину, нарочно, по-садистски стараясь причинить новую боль. Куда-то опять поехали, подпрыгивая на ямах в асфальте. Видать, чужая машина, не жалко. Ур-роды, мать их! – дороги взялись бы тут переложить. Враз бы куча «сепаров» поменяла своё отношение к Украине. А то двадцать лет не делали ни черта, только соки из страны выжимали, а потом ещё и с войною пришли...

Минут через сорок снова остановились. Задержанных вытащили наружу, кинули лицом в снег. Поодаль ждала другая машина, минивэн или что-то в этом роде.

Каратели переговаривались, изредка смеясь и попинывая пленных ногами. Вслушиваться в их обмен мнениями не хотелось: пары первых реплик хватило, чтобы понять, что болтовня ни о чём. Будто и не людей передают, а ящики с консервами. На Кавказе барашков так продают. Но здесь не Кавказ. Здесь был снег, холодно – и опять больно вновь затянутым пластиковым ремешком рукам...

Дальше стало ещё больнее – когда новые их «хозяева» сняли пластиковые петельки и сомкнули наручники. Причём так, чтобы металлическое окружье потеснее сомкнулось вокруг запястий, доставляя дикую боль при любом шевелении.

Похоже, боль подопечных – единственное, что по-настоящему радовало конвоиров. Когда Фёдор взвыл и начал просить ослабить стальной зажим, те стали, погогатывая, упражняться в остроумии на тему, что у всех свои инструкции, а «поганый москаль» должен выполнять инструкции, данные ему в ФСБ, – расслабиться и не ныть, стойко перенося боль во славу Путина.

В остальном тюремщики выглядели на удивление индифферентно. Словно делали привычную работу. Впрочем, минут через двадцать заскучали, стали снова куражиться.

– Вы хоть знаете, шпионы, к кому вы попали?

Все трое промолчали.

– Ну? – понукание сопровождалось поощряющим к сотрудничеству пинком по рёбрам. Опять Александру.

– Без понятия, – буркнул он.

– Мы – ужас всех ватников и москальских оккупантов. Мы из батальона «Айдар».

Ясно. Значит, из «идейных» карателей. Да, тогда дела действительно худы. Эти не выпустят, пока не отработают по полной всю программу. И программа будет, похоже, весьма насыщенной – судя по тому, что о них говорят, изобретательные сволочи...

– А прежде мы у кого были? – равнодушно поинтересовался он. Вопрос ни к чему – судя по обращению, все они тут одним миром мазаны. Сработал репортёрский инстинкт.

– Тебе-то какое дело, кацапчик? – хмыкнул тот же конвоир. Потом всё же ответил: – Тоже наши. Задержали вас наши, привезли к нашим, теперь тоже везём к нашим. Просто не туда отвезли споначалу...

Пауза. Только колёса бьются о рёбра дороги. У неё небось рёбра так не болят. И руки.

Потому конвоиры опять заговорили. Нацистам было то ли скучно, то ли, наоборот, они отработывали заранее обговорённый план по запугиванию пленных, но укры стали глумливо вспоминать и хохотать.

– Одного, помню, в июле ещё захватили. Борзый сначала был, запирался. Так я ему штык-нож в бедро засунул и начал там внутри пластать, мышцу от мышцы отделяя. Загоню лезвие поглубже и покручу там. Ах, как он корчился, гадёныш!

– Живой? – лениво спросил второй из карателей.

– Живой, куда он денется. Я ж не зверь какой. Артерию бедренную не трогал. Отдали потом на обмен пленными. Только уж ходить он не мог. Да и вряд ли будет...

Вся четвёрка, включая водителя, довольно зареготала.

– А мы одного сепара прямо в доме у него задержали, даже не прятался, сволочь! – начал вспоминать другой. – Отлично его потом поучили родину любить. Водичкой обливали и электрошокер втыкали. Как не сдох, сволочь, просто не знаю...

– А с ними иначе нельзя, с ватниками, – рассудительно проговорил третий. – Они ж человеческого языка не понимают. Вот мы одного прямо из больницы забрали, в Артёмовске. Указали добрые люди, что лежит там сепар с осколочными в груди. Ну, нормально, сперва

подвесили за руки, обработали дубинками по рёбрам, так, для разминки. Всё орал, что, мол, гады мы, фашисты, сволочи... А как ему по яйцам пару раз зарядили, сразу запел...

– Что, бабьим голосом? – глумливо поинтересовался первый.

Вновь хохот.

– Ну, почти. А он же висит, даже свернуться не может. Болеет весь, понимаешь. Заныл: мол, расстреляйте меня. Ну, я ему пистолет в рот засунул и выстрелил...

– О!

– Да нет, патрона не было. Вхолостую щёлкнул. Думал, обделается. Но нет, крепкий сепар оказался, отборный. Ничего, мы его на двое суток в наручники – и в яму. Сидел там, под себя гадил. Воняло, жуть!

– Они, ватники, все вонючие, – утвердительно прокомментировал первый. – Дикари москальские. И чё, помыли его потом?

– А то! Из шланга пожарного как наподдали, так едва к стенке не прилип. Но там, зараза, Мыкола Пузо – знаете его, жердяй полтавский – получше не нашёл ничего, как ему провод бросить, из розетки прямо. Всех убить мог, урод! Говорил потом, мол, хотел сепара перетряхнуть как следует. Но тот уж не выдержал, кони прямо там, в луже, и двинул...

– Точно, помог сепару жердяй, – сказал второй. – У нас, помню, одного так долго не отпускали. Задержали на блок-посту возле Попасной. Этих, чистоплюев-офицеров из ВСУ, рядом не было, и оформлять вату даже не стали. Хотя, может, он и не боевик был. Синяка на плече не было...

– Да ладно, – махнул рукой первый. – Все они тут сепары, предатели. Ежели призывного возраста – бери любого, не ошибёшься. Все свои уже оттуда уехали...

– Во, и наш тогдашний командир, Швед, убили его потом, так же рассудил. Отвезли мы сепара в расположение и стали допрашивать. Не разведчик ли, раз у блок-поста ошивается? Ну, побили, как водится, кровью харкать стал. Попрыгали по грудной клетке, попрыгали на спине – живучий, гад, оказался, только плакал всё. Расстрелять просил. Но у нас дураков не было, вроде Пуза того. Посадили его на подвале на трубу, приковали и стали ему кувалдой по пальцам ног бить. Не, точняк, не знал раньше, что люди так визжать могут!

Опять смех, довольный, сытый.

– ...Водичкой отливали, в себя приводили. Пока все пальцы не размозжили, не отпустили. Он уж после помер, когда перфоратором ему коленку сверлили. Но тут уж ничего не поделат было: доктор наш сказал – от сердца помер ватник, типа инфаркт. Слабоват оказался...

Александр не чувствовал ужаса, слушая эти рассказы. Ошиблись фашистёныши, не страшно было. Только омерзительно и... чувство, когда убить хочется тварь какую-нибудь гадостную, злую и опасную. Не из ненависти к ней даже, а из безразличности.

Он вспомнил, как разговаривал на эту тему с Глебом Добровым. Не вчера, раньше. Тот как раз кропотливо собирал все свидетельства о том, как обращаются с пленными на украинской стороне.

* * *

– Это – система, – рассказывал Глеб, с первого дня занимавшийся обменом пленных и собиравший их показания. Тех, что побывали на подвалах у карателей, под следствием, а то и под судом в «материковой Украине».

Типичный случай – ополченец из взвода, который в своё время сбил самолёт с известным карателем Бульчицким. В силу семейных обстоятельств пришлось ему вернуться домой: тяжело заболела мать, необходима срочная операция. Устроился на работу, под чужим именем, разумеется, но его вычислили и арестовали. А дальше – круги настоящего ада.

– Сравнивая его рассказ с другими, я убедился, что пытки и издевательства стали стандартной практикой не только СБУ, а всех без исключения силовых структур Украины, – рассказывал Добров. – Схема такая. Где бы человека ни арестовали, по какому бы ведомству его арест ни проходил, его сразу избивают. Избивают жестоко, не заботясь о последствиях. Если умрёт или получит тяжелые увечья – это, как говорится, его проблема. Никого за это не накажут.

Забивают до состояния, когда человек не может сопротивляться, теряет ориентацию. Если не получается, приступают к целевому членовредительству: ломают руку, например, или пару рёбер.

Рёбра почти всегда норовят сломать. Даже трещина или сильный ушиб обеспечивают постоянную боль, которая не позволяет нормально двигаться и соображать.

Потом надевают на голову полиэтиленовый пакет, как правило, обмакнув предварительно в солянку. Избитый до полусмерти начинает задыхаться. И вдобавок очень туго перетягивают скотчем на уровне глаз. Всё, воля парализована.

«Да уж, нам еще везёт», – криво усмехнулся Александр. Но это может значить только одно – их хотят для чего-то сохранить в относительно «товарном» виде. Для чего? Вопрос...

Далее, по рассказу Глеба, задержанного бросают в камеру, как правило, общую. Не кормят. В лучшем случае, есть ведро для естественных надобностей. И начинают вытаскивать на допросы.

Допросы идут конвейерным методом.

Начинают с того, что человека раздевают догола. Во всяком случае, в СБУ – обязательно. И снова начинают бить. Могут пристегнуть, если есть к чему, – к крюку на потолке, к арматуре или шведской стенке в спортзале – и просто тупо лупят. Палками, шлангами, трубами, ногами-руками.

Как правило, палачи в «балаклавах». Бьют сразу несколько человек, сменяя друг друга, пока человек не впадает в состояние грогги. После этого ему суют его «показания»: «Либо подпишешь, либо сдохнешь». И всё. Большинство сразу подписывают. Некоторые день-два сопротивляться, но не дольше. Потому что это настоящий пыточный конвейер...

Потом отволокут в камеру, кинут одежду – и практически не кормят. Через день дают кашу, смешанную с землёй, с песком, с мусором. Правда, по технологии, перестают бить. Разве что для поддержания «тонуса» раз в два-три дня. И так до суда. А там – астрономические сроки...

* * *

Припоминал этот разговор Александр, и даже последние невзрачные, но колючие кристаллики страха таяли в его душе. Кажется, наоборот должно бы – в ожидании того, что их ждёт. Но нет, затопляла этот холод, поднимаясь в душе, ненависть.

Бросая взгляды на сотоварищей по плену, и в их глазах не видел он страха. Не маялись они, примеряя на себя обещанные им муки. Укреплялась, наоборот, душа. В беседе тяжкой сама с собою приходила к гневу и решимости перед ужасом предстоящего. И к убеждению, что нет в одном мире жизни с этими тварями.

А значит – как бы тяжело ни приходилось телу, слабому человеческому телу, душа будет сопротивляться. Будет противостоять этому миру монстров, что скалили клыки в фашистских байках. И даже наручники, казалось, уже не так болезненно впиваются в кожу. И мысли уже не о том, что страшное ждёт их впереди, а о том, как противостоять ему. Как душу свою поставить у него на пути, у этого зла, – раз уж другого оружия не осталось...

Блин, а ведь надо быть объективным... Ты же журналист, Сашка, ты должен быть наблюдателем. Наблюдай, запоминай. Запоминай всё – и если вырвешься живым, тогда уже зака-

лётным, отточенным как шпагой пером пригвоздишь ты этих нелюдей к столбу позорному. И вскроешь как скальпелем гнойник этих душонок, и выпустишь блевотное их содержимое лужей, в которую да не ступит нога другого человека...

Конечно, не ново это. И словам мало кто внемлет. Но всё равно надо. Как в Отечественную. Как в Гражданскую.

Хотя сейчас что? Сейчас и есть гражданская. И не на Украине только. Тут она – частный случай. Гражданская война идёт во всём русском мире.

И только ли в русском? Да во всём мире! Между мусульманами, между арабами, между мигрантами и коренными в Европе, в Южной Америке и не прекращалась никогда, про Африку вообще молчим. Да и внутри «белой» цивилизации – она же, гражданская.

Что, наши тёрки с Америкой – межгосударственные? Да вовсе нет! Ибо государству США от государства РФ ничего особенно и не нужно. Тем, кто правит Америкой, в действительности нужна сугубая покорность тех, кто правит Россией. Элит российских. А поскольку эти элиты всё же сильно от народа зависят – ибо органы управления, органы подавления из народа набираются, – то и натравливается народ на народ. На базу, на потенциал. На обеспечение, так сказать. Чтобы покорнее были элиты, этой базы под собою не ощущая...

И европейцев потому же натравливают на нас. Особенно восточных, которые ближе, и укусы их больнее. А Украина? Она задумана как главная, самая близкая кусачая тварь. И самое главное – всё ещё родная.

Гражданская война идёт не между украинцами, и даже не между украинцами и русскими. А между бывшими советскими. Между двумя частями недавно одного государства и ещё недавно одного народа. Две части бывшей советской империи и две части одного народа рвут и режут себя по живому, чтобы в итоге оказаться двумя враждебными нежизнеспособными огрызками некогда великой страны.

С точки зрения США – лакомая цель. Ничего нет лакомее! Разве что ельциноидные ушлёпки, например, с Урала, подогретые их послом, объявят себя самостийными. Но это сложно. А тут – лепота: две группы народа режут друг друга на благо веселящегося третьего. Который за океаном.

И как мало оказалось надо-то! Только устроить пробуждение бацилл нацизма. Словно растопить кусок древнего льда с первобытными микробами, выпустить их наружу! И вот, пожалуй: ударная сила застрельщиков и активистов гражданской войны готова! А дальше всей логикой войны утягивает за собой всё новые и новые части некогда здорового организма. Как эпидемия.

Неизбежно навстречу вредоносным бациллам формируются антитела. Тоже не ангелоподобные, отнюдь. Зубастые. Жестокие. Как у них там, биохимиков?... Иммуноглобулины, да! Чтобы нейтрализовать бацилл этих нацистских, они сами погибнут, но организм спасут. А чтобы антинацистские тела одолели нацистские, надо что? Нет, не другой национализм им противопоставить. И не интернационализм, конечно, – спасибо, наелись уже «братушками» предательскими да неграми, выбравшими «социалистический путь развития».

А что тогда? А только одно и выходит – имперский проект! Где не нация, а народ. Общий, наднациональный народ. Народ государства. Во главе с элитами государства. Из народа же вырастающими.

Во! Дожил ты, Сашка! Никогда приверженности имперской идее за собой не отмечал. Но достаточно было попасть в плен к нацистам – и как-то само собой вышло.

Чёрт, ну как же руки болят...

Нет, он знал, конечно, что это ещё только начало боли. Запугивать-то их конвоиры запугивали, конечно, на психику давили. Но пыточные технологии явно не из книжек вычитали. И значит, всё ещё впереди – настоящая боль. Они, трое, нацистам нужны, а значит, будут всеми средствами ломать их волю и добиваться покорности. Ну, так что? Вон Санька Корзун, моло-

дой, светлый паренёк, лежит мертвый где-то в снегу. Ему уж не больно, но в память о нём хотя бы нужно перетерпеть эту боль в руках и плечах. А потом перетерпеть новую...

Чё-орт, как болят! Болите, суки-руки, сильнее, тренируйте мою волю...

* * *

Наконец куда-то привезли.

Куда, было не ясно: всем троим на головы натянули чёрные мешки. Надо же, как тут у них всё предусмотрено! Профессионалы, мать их...

Не видно было, естественно, ничего, но появилось ощущение, что они не в городе. Пожалуй, и не в деревне. Вроде лес?

Сердце, вопреки рассудку, выразило желание опуститься вниз. На расстрел привезли? Вот так, сейчас всё и кончится?

Прислушался к себе. Того доброго, выручавшего прежде ощущения, что опять мимо, не день ещё его смерти, – этой уверенности теперь уже не было. Подействовали разговоры карателей, что ли? Или и впрямь конец?

Да нет, не может быть! Нелогично. Похищать их, катать кругальями, а потом просто расстрелять? Не хозяйственно.

Нет, за всей этой историей явно стояло нечто большее...

Ага, строения здесь всё же были. По крайней мере одно, куда их втокнули, буквально за шкуру таща по ступенькам и недлинному коридору.

В помещении, где они оказались, пахло как-то по-особому. Привычные запахи кожи, оружейной смазки, металла, которые всегда витают в помещениях, занимаемых военными, присутствовали. Чего-то не хватало. Да, особой примеси тухло-кислого собачьего духа, который почему-то исходит от «укропских» вояк.

Какой-то высокий штаб? Конечная цель их путешествия?

– Вот, – сказали рядом. – Доставили. Смотрите.

Им сдёрнули с голов мешки. Уф-ф-ф... Действительно, военные в комнате. Какие, чьи, непонятно: камуфляж не наш, без знаков различия, шевроны непонятные. Трое. Все – в балаклавах, видны лишь глаза и рот.

Один подошёл, внимательно, словно при покупке, осмотрел каждого пленника. Затем спросил у Александра – видимо, как самого старшего:

– Кто такие?

Ага, всё теперь понятно! Вопрос прозвучал с вполне уловимой для русского уха звуковой фальшивинкой. Акцент. На двух словах не определить, чей, но человек явно иностранный!

– Журналист и писатели из России, – ответил Александр. И добавил на всякий случай: – Гражданские, в командировке по профессиональным делам...

Иностранец ещё раз внимательно оглядел его.

– Документы?

– У них, – мотнул головой Александр на сопровождающих. Этих было двое – остальные, надо полагать, остались в машине. Интересно, это ж куда их завезли, раз «айдаровские» каратели тут не хозяева?

Документы иностранец изучал долго и внимательно. Особенно внимательно – командировочные удостоверения писателей. Видать, странно для него было, что есть в России какой-то Союз писателей, который посылает своих членов в командировки на войну.

А может, он, Александр, это за него додумывает. А на деле иностранец просто по-своему въедливый и аккуратный. Немец?

Всё это время в комнате висела тишина. Не нарушали её и оставшиеся двое военных в дальнем углу за столом, на которых Александр не обратил было внимания. Но потом один из них встал, подошёл к пленникам и резко спросил:

– Чьто деваете тут?

А, ну этот точно поляк. «В» вместо «Л» или, точнее, звук между «в» и «л» – такого, кажется, никто больше произносить не умеет.

Александр, молчаливо признанный старшим, ответил:

– Нас насильно привезли. Линию соприкосновения мы не пересекали. На той стороне я лично работаю в качестве официального собственного корреспондента российского информационного агентства. Можете запросить. Мои коллеги – писатели, приехали с гуманитарной миссией. К военным делам отношения не имеем. Международные правила разрешают репортерам вести их профессиональную деятельность на территории военных конфликтов.

– На вас нет надпись «Пресса», – возразил поляк.

– Мы не направлялись в зону боестолкновений, – покачал головой Александр. – Мы ехали по территории ЛНР...

Сзади возмущённо хрюкнули, но поляк перевёл взгляд на конвоира, и тот притих. «Лишний удар по рёбрам обеспечен», – подумал Александр, продолжая говорить:

– ... в Первомайск, чтобы там побеседовать с людьми, как они живут на войне. Нас перехватили на той территории и перевезли сюда.

За дверью раздались голоса, затем она запахнулась, и в комнату кто-то вошёл. Оглядываясь Александр не стал, да и не потребовалось: вошедший проследовал к дальнему столу, за которым сидел третий, пока безмолвный иностранец, пожал ему руку, поприветствовал на английском языке.

Этот был явно здешний: шевроны «Айдара», неуловимые, но явственные ухватки боевика из гражданских, этого общего для обеих сторон порождения войны, причёска неуставного образца с волосами, стянутыми в хвостик. И без маски на лице.

О чём-то тихо переговорил со своим визави, затем тяжело устался на пленников.

Поляк между тем отвернулся к своим и стал излагать содержание разговора с Александром на довольно приличном английском. Излагал в целом точно. Затем отдал документы тому, кто остался сидеть в углу. Тот изучил их, передал «айдаровцу». Станный, остро-хищный взгляд, что украинец бросил на Александра, насторожил его. Что-то тут не так... Что-то связывает его и этого впервые в жизни встреченного боевика. Или виделись? Да нет, провалами в памяти до сих пор не страдал. Не было этого человека в его жизни.

Но флюиды, что текли в его сторону от боевика, ощущались явственно. Вражда, конечно, в них присутствовала, но был и явный интерес. Хищный интерес.

В чём дело вообще?

– Кто из вас из РИА? – спросил «айдаровец».

– Я, – с трудом сглотнув, – во рту отчего-то пересохло – ответил Александр.

Боевик странно усмехнулся, не отрывая всё того же хищного взгляда от пленника. Но промолчал.

Потом снова тихо заговорил с третьим иностранцем. Слышно не было, но по всему судя, иностранец был главным. Настаивающий на чём-то «айдаровец» вдруг прервал разговор и обратился к одному из конвоиров:

– Поясни господам, как было дело.

Тот напрягся, но докладывать стал чётко:

– Согласно рапортам членов подразделения, взявшего этих людей в плен, они попытались прорваться в наш тыл в составе диверсионно-разведывательной группы сепаратистов. В неё входило семь человек, все из состава казачьей банды Сонного, согласно собранным на поле боя документам, а также трое россиян. В результате боестолкновения четверо нападавших были

ликвидированы, трое россиян взяты в плен, разоружены и находятся перед вами. С нашей стороны потери – один убитый и двое раненых.

Ложь была настолько чудовищна, что Александр онемел. Но не растерялся Зайцев:

– Врёт он! Мы писатели, ни на кого не нап...

Удар прервал его речь.

– К сожалению для вас, в наших руках документы и оружие убитых бандитов, – с явственным удовольствием произнёс «айдаровец» с хвостиком. – По ним видно, что боевики принадлежали к так называемому «полку» атамана Сонного. То, что вы писатели, не освобождает вас от ответственности за вооружённое нападение на украинских солдат на украинской земле с убийством одного из них. Вашу участь может облегчить только чистосердечное признание и покаяние.

Поляк бубнил на заднем фоне, переводя разговор для старшего иностранца.

– Не в чем нам признаваться, – угрюмо бросил Александр. – Ни в каких прорывах мы не участвовали. Ехали в сопровождении каза...

Удар прикладом по спине заставил и его замолчать. По инерции он сделал два шага, затем отступил на шаг назад.

– Во всём признаетесь, – веско проговорил «айдаровец». – Будете рассказывать во всех подробностях и даже с художественными деталями, раз вы писатели...

И он повернулся к иностранцу, возобновив неслышную беседу.

Так... Вырисовался их замысел. Собираются показывать на пресс-конференциях российских литераторов, обезумевших от своей украинофобии настолько, что вместе с сепаратистами напали на украинских солдат.

Но при чём тут тогда иностранцы? Зачем их к этим-то привезли, то ли инструкторам, то ли наёмникам? Логичнее было в Киев везти! Или куда тут таких полезных для пропаганды пленных возят...

За столом между тем стали говорить чуточку громче, и благодаря тому не сделанному назад шагу Александр начал разбирать отдельные слова. Разговор, судя по всему, выходил для «айдаровца» разочаровывающий. Лицо того всё больше мрачнело.

– No... – доносилось до Молчанова гнусаво-американское. – ...don't need... civilians... reason... bucks... too much...¹

Да он что, продать нас, что ли, хочет? Ну, дела-а!

Видимо, узрев по изменившемуся лицу Александра, что он нечто уловил, боевик рявкнул на конвоиров, приказав вывести задержанных из помещения. Те с удовольствием напялили им мешки на головы и пинками выгнали пленников.

Ну дела... Их, значит, завезли в лагерь наёмников или сразу к иностранным кураторам. И пытались продать. Украинский нацист иначе не умеет. Разве что самый идейный?

Но на кой чёрт они иностранцам? Те своего пребывания тут не выпячивают. Не вылезут же они на прессу с пленными русскими писателями?

Бред... Стоп!

Наёмники наверняка догадались, что засветились перед русскими. Значит?

Значит, живыми нас отсюда не выпустят...

Он снова покатал эту мысль в мозгах. Ничего особенного при этом не испытал, видать, и вправду уже свыкся.

Допустим и другой вариант: их рассчитывают сломить так, что об иностранных наёмниках на укропской стороне они уже не заикнутся.

---

¹ Нет... не нужно... мирных жителей... причина... баксов... многовато... (англ.)

* * *

Свой «законный» удар по рёбрам Александр получил при посадке в машину. Видать, тот «айдаровец» с хвостиком вышел из штаба наёмников не в лучшем настроении. Не удалось торгануть.

– Ладно, давайте этих к нам, на пансионат. Там поговорим с ними, поучим, как правильно отвечать надо...

– Может, в Половинкино? – заикнулся один из конвоиров. – Там это, подвал надёжнее. Опять же – штаб...

– Завтра отвезём, – отрезал вожак. – То наше дело, чуешь? А в штабе жадных дюже много. Наложат лапу на наш товар, и тю-тю. А я сам на них заработать хочу.

Хм, усмехнулся про себя Александр, предположение о торговле оказалось верным. Как бы теперь не захотели продать их на органы, коли живыми не удалось. Было такое, находили на освобождённых от карателей территориях трупы с вырезанными органами.

Нет, лично он староват уже для подобной роли. Да с его-то профессией от печени слёзы небось остались...

«Хвостатый», впрочем, уже разъяснял своему бойцу:

– Ладно, не удалось втоухать западникам, – завтра их в Киев загоню. Там немало хлопцев, кому свеженькие москали нужны, хоть сто раз писатели. Ещё и лучше: боевики сепарские надоели всем, а тут живые кацапские писатели, в нападении на нас взяты. И не хрен их в штаб вести. Там эсбэушники стукнут своим – и заберут наш товар бесплатно. Понял?

– А ты тут уши не распускай, – Александр почувствовал удар по загривку. – Для того и говорю при вас тоже, чтобы знали свою роль на будущее. Жить хотите – по-моему делать будете. Что велю. А хотя вам и делать ничего не надо, просто подтверждать будете, что вас спросят. Тогда целенькие и даже здоровенькие в Киев поедете.

А будете выделываться да ломаться – так мы вам на все ваши ломаки своими ответим. Только для вас это больно получится. Очень. За каждый отказ сотрудничать по кости ломать будем. А потом всё равно в Киев продадим. Для камеры неважно, что у вас рёбра и ноги переломаны. Усадят вас в кресла и улыбаться ещё заставят. А потом – хоть на инвалидном выкатят.

Да, это было, пожалуй, страшнее того, уже преодолённого страха смерти. Страх позора.

Пожалуй, хорошо даже, что на голове мешок. Не досталось карателю нацистскому испытать торжества, не увидел он отчаяния на лице «москаля»...

– Про нас знают, – справился с собою Александр. – Куда поехали... Узнают, как всё было...

Ещё удар.

– Вот умеешь же ты, дядя, настроение портить, – почти безмятежно произнёс айдаровец. – Ты сейчас по краешку самому жизни идёшь, а мне возражаешь. Счастье твоё, что добрый я, потому что всё равно на вас заработаю. А что узнают – так это ж потом будет. Когда вы уже своё отработаете на мой бизнес. Ну, на наш с хлопцами, – поправился он, чтобы не терять бандитского авторитета в глазах своих подельников.

– Та пускай сто раз узнают, что как было, – продолжил он лениво. – Важно одно: признание ваше в нужный момент. А через месяц-другой кто вас вспомнит с вашими опровержениями? Ты тут не один такой весь из себя журналист. Я тоже профессионал в этом деле. Хоть и не из Москвы вашей поганой, но целой газетой в Луганске руководил. Пока вы тут, русня проклятая, не начали в свою «русскую весну» играть. Так что не надейся, кацап. Всё сделаете как надо. А как мы это организовали, неважно. Война всё спишет! И каким способом ты добился, чтобы враги работали на тебя, неважно.

– Ладно, задолбал ты меня! – вдруг озлился «журналист». – Покурили, поболтали – и хватит. Пакуйте их, хлопцы, а то вон друзья наши уже косятся. Везём до нас. А там поглядим, как эти москалики извиваться будут, чтобы мы позволили им наши ботинки облизать...

Глава 2

С бандитами Лысого расстались по-братски или, точнее, по-братански, как у подобного контингента принято. Доехали с ними до поворота на Тошковку. Там должна была ждать связь от контрабандистов Сто первого. С машиной. С чистыми украинскими номерами.

Самый напряжённый момент был при пересечении украинского блок-поста. Хотя Лысый сделал всё, как обещал, и за рулём бусика, а также рядом с водителем сидели его хорошо проинструктированные «замом» Лысого бандюжата, достаточно было любой случайности, чтобы всё сорвалось.

Алексей Кравченко не любил случайностей. И ещё он не любил доверяться незнакомым людям в боевой работе. А здесь было именно это: на задание – с незнакомыми людьми, которым не доверял...

Но вот теперь Буран сидел в глубине лысовского бусика, из всех сил изображая беззаботность, пока сопровождающий их бандит обменивался приветами со сторожащими блокпост «укропами». Приветы, надо полагать, носили вполне финансовый характер, поскольку звучали слова: «Да, сам обещал... Как обычно, двадцатого... Не, ну я-то не лезу в такие дела... Моё дело – пропуск на машину получить... Ладно, пучком, давай, сам не пропадай!»

Чёрт его знает, какие смыслы могли таиться в этом диалоге. Может, сейчас рванут дверь в сторону, наставят оружие и потребуют выходить. И – амба. Жизнь-то свою они продадут дорого, это без вопросов. И шушеры этой блок-постовой ляжет много. Но задание останется невыполненным.

Алексей старательно улыбался, слушая совсем распоясавшегося в артистизме Шрека, который рассказывал очередную байку из своего богатого опыта криворожского «пацана».

Было и впрямь смешно, как он прямо в лицах изображал одного из своих бригадиров. Тот, дескать, чуть ли не в тапочках и домашних трениках вышел вынести ведро с мусором. А мимо проезжали его приятели. Сослуживцы, так сказать, по банде... И предложили ему с ними в Крым поехать. Развезься с тёлочками. Он возжелал. Домой уже не вернулся, а ведро им в багажник кинул, да и поехал. На два месяца загулял. А по возвращении дикий скандал жене закатил, с битьём, что она, вестей не дождавшись, отпевание заказала и сороковины отметила...

Так и миновали блок-пост, со смехом. Бандиты Лысого уверились, что везут «своего». И законно предположили, что второй, с подозрительно тяжёлыми сумками, тоже из своих, контрабандистов. Прикинуты мужики нормально, по-пацански. Да, спасибо МГБ, со знанием дела спроворили им в одежку...

Группа тихарилась за кустами на обочине за деревней, дожидаясь контрабандистов – всё же доехали быстрее, чем рассчитывали. Оно и к лучшему. Поглядим, те ли явятся. И так ли, как договаривались.

Наконец вырос и затих неподалёку шум мотора. Алексей одним взглядом срисовал номера остановившейся на обочине «буханки». Всё было правильно: те самые, которые ему довели перед выходом.

На дорогу вышли Шрек с Юркой. Убедительные во всех смыслах («Буран на бандита не тянет, у него через минуту разговора офицерская закваска выходить начинает», курносый Еланчик «простоват, видно, что не бугор»). На условный сигнал оба сидевших в «буханке» человека среагировали тоже правильно: вышли наружу и показали пустые руки.

Две пары сошлись, поздоровались. Обменялись несколькими словами. Потом Шрек обернулся, махнул:

– Нормально всё!

Буран с Еланцем поднялись. Всё было действительно нормально. Обычная стрелка деловых ребят без претензий друг к другу. Просто парни из некоей команды встретились с «контрабасами» во исполнение приказа своих боссов. А какие там замыслы-умыслы у этих самых боссов – не их, исполнителей, дело.

В общем, всё то, как и передали Мешков с Митридатом. И здесь правильный номер машины, правильные документы. Даже страховка на имя Вовки Селиванова – Володимера Селюченко из города Винницы. И некий пропуск под лобовое стекло, с которым, как обещано, на обычных блок-постах не останавят.

Деньги на Украине по-прежнему творят всякие мелкие чудеса. А иногда и крупные.

Это ж сколько успели сделать гэбэшники за те три часа, что прошли между изменением плана операции и отработкой мелочей – очень не мелких мелочей! – для обеспечения довольно авантюрного начинания. Ему-то казалось, главное – тихо войти. А там – раствориться в зелёнке, отловить пленного, аккуратно порасспросить... Обычный выход, только с заменой громкого захода на тихое проникновение под личиной бандитов Лысого.

Как же велика разница между обычной военной разведкой и разведкой ГБ! Холодок время от времени пробегал по кишкам: справятся ли они, обычные армейцы, с такой задачей? Тут ведь особый уровень оперативной работы под прикрытием. Чему его, армейского боевика, не учили.

Научили, правда, в охранном предприятии «Антей-М».

Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест. У них с Юрь Анатоличем, он же товарищ Злой, определённый опыт в этом деле есть. Да ещё в самом кубле – в Москве! Плюс у них Витька Еланчик, пластун уральский, который ввинтится в любую щель незамеченным. Будет лежать посреди голой степи под ногами у врагов, а те и не в курсе, что он тут есть. И напарник у него замечательный, с фантастической реакцией и с внешностью, просто созданной для работы под прикрытием! Шрек по внешности незабываем, но еще труднее предположить, что под нею таится умный и умелый диверсант, быстрый, сильный и хитрый, как медведь.

Шрек (и Злой вторым номером) были назначены на роль основных бандитов ещё в Луганске. Злой – потому что умел вести себя с той неуловимой криминальной грацией, которой отличаются люди, прошедшие школу российского (и украинского тоже, впрочем) беспредела. А то, что он настоящий опер, на лбу у него не написано.

А Шреку и уметь не надо было: в прошлой, довоенной жизни, он хвататнул настоящей бандитской «романтики», вытрясая «лишнее» из разных бизнесменов с подмоченной деловой историей. Иной раз в кубрике он делился воспоминаниями о своей полной приключений жизни, ни в чём, кажется, не раскаиваясь из содеянного. И кое-что из этих воспоминаний было, на вкус Кравченко... скажем прямо, неприемлемо.

«А что ты, командир, так смотришь? – однажды как-то прервался Вовка, заметив обращённый на себя жёсткий взгляд Алексея. – Ты не думай, ни одного трупа на мне нет. Христом Богом поклянусь. Кривой Рог, конечно, тот ещё зверинец, но вот лично у нас, начиная с босса, был принцип: честных не трогать. Вот да: по принципу. Хочешь верь, а хочешь – нет. И никакой мокрухи. Напугать до полусмерти – это да, это делали. Так ведь и трясли бизнесов, которые сами грабители были те ещё. А их мне, знаешь, как-то и сейчас не жалко, хотя давно отошёл от тех дел».

Безгрешных ангелов в подразделении вообще не было: война так или иначе окунает руки солдата в чужую кровь самым принудительным образом. Но одно дело – убивать эти самые вражеские приставки к оружию, как говорил Ященко. А другое – честного коммерса жечь паяльником за то, что честно заработанным не хочет с бандитами делиться...

Кравченко тогда взгляд свой выключил. Он и сам не заметил, как глаза его пожестчали по ходу смешного поначалу рассказа. И испытал немалое облегчение: ему самому крайне не хотелось, чтобы прекрасный и по-человечески очень порядочный, даже добрый этот дядька

оказался со следами невинной крови на руках. Слова Шрека было вполне достаточно – Вовка не врал никогда. Как он сам сказал, хватило одного чужого примера, чтобы закаяться ему следовать. В их мафии (или как там это у них называлось) от такого быстро отучали. Тем более недопустимо это в разведке, где от полной и безусловной правдивости зависят жизни всех – и прежде всего своя собственная.

В общем, Шрек был из благородных бандитов. Но настоящих. Или из настоящих, но благородных – не суть. Главное, что отошёл он от тех дел ещё в начале нулевых. Как раз из-за того, по его словам, что банду их самым ходом дел начало уводить от мелкого рэкета против криминальных бизнесменов к более вредным делам.

То есть бизнес приходил в систему, а вместе с ним приходил в систему и организованный криминал. «Вольные лесные стрелки», подобно их древнему предтече Роберту Локсли из Шервудского леса, уже не имели шансов в условиях, когда бизнесмены слились с чиновниками. И все вместе – с «шерифами».

В этих условиях небескорыстным, но благородным Робин Гудам оставалось либо работать на тех же криминальных бизнесменов, либо заказывать себе заочное отпевание. Про какое у Вовки тоже была отдельная история.

Потому Шрек ушёл сначала в охранники, потом в водители-охранники. Возил бизнесов, защищая на месте и «расплетая забивы» после. Возил спортсменов, каких-то ингушских борцов, от которых сбежал вскоре по-тихому. Возил даже какого-то лихого батюшку, про которого рассказывал уморительнейшие истории. Наконец, создал с бывшими друзьями по своему «шервудскому лесу» фирму, в составе которой стал перегонять автомобили из Европы. Отлично, говорил, дело шло: сами себе бизнесмены, сами себе водители, сами себе охранники. И разруливальщики – тоже.

При Яныке, правда, этот бизнес начал сам собою затухать. Европа с её машинами сама стала приходиться на Украину. Но зла на президента Шрек не держал, понимая, что не в нём дело, а в общем. В тенденции, как сказал бы более образованный человек.

По идее, он должен был поддержать майдан, как некоторые из его товарищей по бизнесу, захотевшие, чтобы всё вот так, как в Европе, и немедленно, и сейчас! Вроде даже в автомайдане кто-то мелькал из них.

Но бурливший на майдане нацизм русского Вовку Селиванова, с его двумя дедами, погибшими на войне, причём одним – от рук «мельниковцев», отвращал на самом глубинном уровне. И он просто держался в стороне от всего этого и ждал, что коричневая пена схлынет.

Но потом случилась Одесса, и пена совершенно обезумела от безнаказанности и пошла расплёскиваться по всей стране. Последней каплей стало, рассказывал Шрек, когда его вечером прижала к стене у «Пирамиды» на Косиора компания молодых гопников с девками. И потребовала, чтобы он немедленно заговорил по-украински. Ну, как потребовала? Как обычно: сначала заорали «Славу Украине!», тут же взбесились, что не последовало ожидаемого ответа. Начали насакивать, зажимать.

Отчаянные, видать, были щенэвмэрлики. Вовке Шреку с его внешностью героя всем знакомого мультлика достаточно было нахмурить красную морду, чтобы развеять иллюзии неразумного. Или те глупые нацики лица его не разглядели в темноте?...

Как бы то ни было, закончилось всё плохим для гопников образом. Кто-то стукнулся сильно, до бессознательности и сотрясения того дерьма, что было в голове. Кто-то руку неожиданно поломал, а потом и вторую. Ещё один не скоро сможет удовлетворить естественным образом свою шалаву. Которая тоже влетела носом на недешёвую косметическую операцию, когда коточки крашенные решила распустить...

Да уж, Шрек в гневе бывает весьма необходим!

После этого случая он из города ушёл, подался на Донбасс. Здесь помотался, хлебнул уличных боёв в Шахтёрске, позже сидел два месяца в окопах у Мариуполя, потом как-то ока-

зался в Луганске и прибился к роте Бурана. Воевал прилично, хотя опыт имел только от давней армейской срочки на Украине.

О семье только волновался, которая осталась с матерью под нацистами.

В общем, судьба судьбою и выбор выбором, но бандитский период Вовкиной биографии бывал подчас – вот как сегодня – весьма полезным. На укровском блок-посту, когда расхристаный воин всё же заглянул в глубь салона, характерная Шрекова морда показалась ему убедительнее всяких документов.

Впрочем, они-то были в порядке – спасибо МГБ. «Состарить» паспорт до убедительной стадии не было проблемой.

...Постояли, покурили. Вовка завёл одну из своих бесчисленных баек. На этот раз по поводу второй машины контрабандистов, на которой те должны были уехать, – солидного, но старого, как бивень мамонта, «мерседеса»-126 кузова. В котором, уверен был Кравченко, расположилась при встрече своя группа прикрытия.

Дело было с донецкими бандитами, рассказывал Шрек. Дескать, ехали по Артёма, никого не трогали. А у тротуара вот такой же «мерс» стоит. И как раз перед ними у него дверь водительская открывается. И ничего уже не сделать. Так и снёс он, Вовка, ту дверь. Ну, остановился, чё, мол, за хрень такая, бампер помял, крыло. А из «мерса» братки вываливаются и уже свои предьявы кидают: попутал, чё ли, фраерок, не видишь, люди стоят, объехать надо. А он, Вовка, уже тогда был честный пацан с Кривого Рога, со своими же и ехал. Тоже предьявы двинули – мол, смотреть надо, когда двери открываешь. Права купил, что ли, или начальник ДАИ подарил? Косяк ваш, чистый. Те, крутые, тон сбавили, когда им предьявили, под кем криворожские ходят. Короче, не ментов же вызывать. Слово за слово, стрелу из-за какой-то двери забивать не стали, договорились. Дальше встали у обочины, дверь водительскую открыли. Те сдали назад, разогнались, снесли её на хрен, а себе не только бампер, но и фару разбили. Дверь-то Вовка не совсем настезь открыл, а наискосок чутка. Те вышли, за фару не спросили, типа, ну всё, без претензий, пацаны? Да, закрыли тему. Так и разошлись...

Посмеялись, докурили. Вовка с Еланчиком окурки свои затоптали. Сразу же, повинувшись знаку командира, отошли в сторону, оттянули за собой контрабандистов. Алексей остался на пару с их главным.

Не то чтобы «контрабасов» использовали совсем втёмную – вождь их, Сто первый, естественно, был в курсе, что надо помочь ГБ. Митридат посвятил. Но лишняя информация и есть лишняя. И дальше Сто первого она не пошла. Теперь всё выглядело и играло так, будто представитель одной группировки обговаривал с представителем другой время, место и характер взаимодействия в целях переправки некоего ценного груза. От имени, естественно, Лысого.

Партнёр переговоры вёл соответственно. Всё проходило в рамках тех взаимовыгодных отношений, когда «трансграничники» делают свой бизнес со сторонними криминальными структурами. В данном случае, с «риэлторами» Лысого. Это если дойдёт до тех, кому не надо много знать о настоящем содержании акции.

С новообретённым партнёром договорились быстро. Не в первый раз такие переговоры велись и, надо надеяться, не в последний.

Контрабандисты готовы были работать сегодня ночью. Оставалось только согласовать порядок связи и опознавания. Там, у Лобачово, будут ждать исполнители, перевозчики. Ваш груз со своим заложат – и нормаль!

Согласовали и порядок прикрытия от возможных нежеланных свидетелей. Если в СБУ каким-то образом ушла утечка, не поможет. Но это вряд ли – Сто первый со своими людьми в подобном сотрудничестве не замечен, да и не заинтересован. А сама СБУ на Луганщине основательно была разгромлена ещё весной. Списки её агентуры вдумчиво изучили и сделали нужные выводы.

Всё нужное обговорили, можно приступать к «телу» операции.

Проводили взглядами контрабандистов, погрузились, поехали.

Добрались до Лисичанска, здесь уже можно было позвонить, не привлекая особого внимания тех, кто слушает эфир. Во всяком случае, не того внимания, которое обратили бы на изолированный звонок с поля под Тошковкой.

– Ну чё, кис, я в Лисике. Мукой затарился. Где, ты говорила, огурцы дешёвые? – за эти месяцы здесь он просто на автомате вернулся на с детства родной местный округлый говор с мягким гэканием. Хоть мать в своё время приложила немало усилий, чтобы вбить рефлекс на произношение твёрдого московского «г». Так, мол, культурно.

– Только не в Севере! – зачастила Настя на том же «недосуржике». Ей от своего крымского акцента избавиться было тяжелее, но она старалась. – Там дорого, говорят. Баб Ганна с утра за пенсией до банка ездила, на рынок заглядывала, так говорит, в Новоайдарске тоже всё дорого. Так что смотри сам. Да, чуть не забыла! Она, старая, так домой торопилась, что не успела к племяннику завернуть. А у него для неё одеяло ватное есть...

Не опасно было слово с корнем «вата» произносить? Хотя присутствие россиян зашифровано – лучше не придумашь!

– Может, просит теперь, твой заедет, заберёт? Всё равно, мол, на машине и по пути. Он в Счастье, племянник-то, прям у станции. Работает там. Адрес запишешь?

– Хрена се, по пути! – возмутился Алексей. – Это мне какой крюк делать? И поздно уже, скоро закроют всё на ночь! У него, что ли, ночевать мне? Подумаю, но не обещаю. Позвоню тогда. Всё, целую...

Не стоит говорить больше тридцати секунд. Не верится, конечно, что у хохлов столь тотальное прослушивание всех мобилок организовано, но бережёного Бог бережёт. Да и ясно уже всё: парней наших завезли в Счастье. А там где их держать как не на ТЭС?

И как такую точную дислокацию определили? Вроде там в пределах соты только может быть. Хотя, смотря какую аппаратуру гэбэшникам шефы передали. Вон, у тех же «артельщиков» – такие есть средства определения цели по месту, что чуть ли не отдельный укровский «Поднос» в состоянии засечь. В общем, повезло им с участием гэбэшников в операции...

– Давай, Вова, – сказал он. – Верти баранку к Счастью, пока не стемнело. Нам ещё вокруг станции осмотреться надо...

* * *

За дверью протопали, что-то пробубнили. Раздался короткий вскрик, потом послышалась возня. Кого-то проволокли по коридору. Может быть, даже кого-то из двух ребят из писательской делегации. На допрос. Как в гестапо.

А что? Даже воображения напрягать не надо, чтобы представить, как оно тогда было. Может, и в войну гестапо в этом же здании располагалось – каратели обычно вольно или невольно демонстрируют преемственность друг у друга.

Всё остальное сходится. Холодный подвал, стянутые за спиною руки, завязанные глаза. Избитое тело... Грамотно избитое, без синяков и переломов. Эти характерные звуки за дверью камеры.

Фашисты в допросной. Такие же фашисты. Разве что говорят не по-немецки, а на мове своей хуторской.

А что? И на той войне бандеровцы с удовольствием исполняли роль допросчиков и переводчиков при гестапо. Легко представить, что гестаповцы просто ушли спать, предоставив заключённых произволу своих местных подручных...

Мешки сняли, пригнув головы, и завязали глаза тряпками. В промежутке Александр смог увидеть помещение. Пол в виде неровно залитого и растрескавшегося бетона. Стены в кафеле,

замызганном, потрескавшемся, частью обвалившемся. Очень похоже на какое-то предприятие. Промзона? Или ТЭС? Стоят же айдаровцы на ТЭС!

Если это она, есть шанс на спасение. По ту, нашу, линию фронта не раз слышал Александр разговоры о том, что между айдаровцами и персоналом станции отношения далеко не идиллические. А даже прямо враждебные. Щемят каратели сотрудников, называя такими же «сепарами», что и «на той стороне». Часто избивают, отбирают что понравится. К женщинам пристают. В общем, ведут себя как натуральные оккупанты или полицаи в войну. Постоянные подозрения в саботаже и работе на противника, а потому – регулярные репрессии. А по пьяной лавочке просто терроризируют людей.

Разговорам таким можно было верить, потому что общение между людьми на гражданском уровне не прекращалось, несмотря на разделившую их линию фронта. Оставались родственники, друзья, бывшие теперь уже сослуживцы. Наконец, просто земляки, которые ходили друг к другу прикупиться товаров – у кого что дешевле, – или снять денег с карточки, поскольку украинские банки в ЛНР не работают. А старики элэнэровские – ещё и пенсию получить на украинской стороне, в дополнение к той, что только в декабре начали кое-как платить в Луганске.

Надежда на «своих» была, конечно, призрачной. И всё же таять не хотела, несмотря на трезвые уговоры. С ней было легче, особенно, когда с них, задержанных, снимали обувь, срывали верхнюю одежду, обыскивали, отпуская глумливые замечания. Вокруг веселились «айдаровцы», обмениваясь людоедскими замечаниями на тему, что надо бы сделать с пленными москалями, да ещё и нагло нападшими на их товарищей. Да не просто москалями, а с писакками, главными путинскими холуями и создателями путинской пропаганды. Передёргивали затворы, пугали.

После этого их снова затолкали в машину. Отвезли недалеко, по асфальту. Вытряхнули, спустили по ступенькам и развели по разным помещениям. Как по камерам. Руки вновь заковали сзади, так, чтобы посильнее болели в суставах. Ноги перетянули стяжками. И оставили лежать на холодном бетонном полу.

Так прошло ещё несколько часов. Время висело, как бревно на ногах у поднятого на дыбу. То, что оно существовало, проявлялось лишь в нечастых звуках снаружи.

Кого-то протащили по коридору, тот невнятно мычал. Что же за место такое? Про Половинкино говорили так, будто там их тюрьма, «Айдара». А здесь? Изолятор временного содержания? Что-то вроде частной тюрьмы этого урода? Вряд ли. У нацбатов, конечно, та ещё махновщина, но чтобы собственную тюрьму содержать...

Хотя, что он знает о тюрьмах нацистских батальонов? Вот Голощёкин, прежний корреспондент, тот да, реально успел тут многое узнать, понять, успел во многое вникнуть. Может, вернут парня сюда, когда его, Молчанова, больше не станет...

Интересно, чем-нибудь наградят посмертно? Как этих, ребят с ТВ. Вообще-то телевизионщики воспринимаются с куда большим пиететом, нежели они, простые агентские журналисты, фактически неизвестные широкой публике. Хотя именно их сообщения зачитывают телевизионные дикторы в новостях. Может, медаль какую? Нет, не для себя. Ему-то будет всё равно. Для семьи. Для Маришки и Павла. Льготы не льготы, но хоть какое участие со стороны государства... На худой конец похоронят за счёт агентства, сколько-то денег подкинут. Должны ведь?

По-любому, уйти нужно достойно. Никакого сотрудничества. А если будут болью терзать, как обещал этот подонок с хвостиком?ломают? Заранее не скажешь. А значит, надо извернуться, что-то придумать, чтобы убили сразу. Упросить, например, чтобы руки развязали. Да накинуться на их главного. Может, тогда пристрелят? Или оскорблять его, выводить из себя, чтобы тот приказал расстрелять наглого пленника? Думай, голова, думай! Не обращай внимания на боль. Пусть она, боль эта проклятая, мобилизует, а не отупляет...

Глухо раздались два выстрела. Кто-то закричал. Господи, уж не писателей ли моих казнят? Нет, вряд ли. Нужны мы.

Кого-то ещё за дверью проволокли...

* * *

«Хвостатый», когда Александра наконец привели к нему, первым делом самодовольно поинтересовался:

– Слышал выстрелы?

Александр подтвердил кивком головы.

– Террорист. Отказывался говорить, вообще сотрудничать не хотел. Надеюсь, ты окажешься умнее, Молчанов.

Если ты, дурашка, думал этим испугать, то, наоборот, – дал надежду. Только бы руки развязали!

Нет, тоже не лыком шиты. Перековали в наручники уже спереди. Александр попросился в туалет, пригрозив, что иначе наделает прямо тут, в комнате. Боевик, который отводил в замызганный клозет, заявил, что пусть сам достаёт свой грязный отросток. Не баба он, мол, чтобы сепару штаны снимать и щупать.

Некий тактический выигрыш был налицо: ноги оказались свободны, а руки... Пусть и закованы, но спереди, ими можно многое совершить, чтобы нарваться на смерть...

Вот только с этим пришлось погодить. Уж больно интересный разговор завёл «хвостатый».

– Знаю, о чём ты думаешь, Молчанов, – сказал он. – Мол, сейчас изображу покорность, а на пресс-конференции выскажу, что думаю. Знаем, бывали случаи. Только зря ты на это надеешься. Мы записи с вашим признанием здесь заготовим. Не здесь конкретно, в другом помещении. Но всё равно под нашим контролем. Сегодня же ночью. Чтобы завтра с утра был материал для демонстрации. Поэтому всё равно скажете всё, что мне надо. А как там, в Киеве, вас дожимать будут, мне уже неважно. Главное, что здесь я буду с эксклюзивом на вас. И здесь, и в Киеве, и даже в Москве.

– «Даже»? – язвительно поинтересовался Александр. – В Москве? Вы ж её ненавидите.

– И что? – лениво парировал боевик. – Москва всё равно большой информационный рынок. Ежели там прозвучишь – здесь горизонты расширяются. До войны так было. Сейчас-то вы агрессоры, с вами всё порвано. Но масштаб остаётся. Если я здесь что-то сделаю, что на уровне Москвы перетранслировать будут, – я тут на коне, в общеукраинском масштабе, понял? Раз-другой – и европейские контракты подвоят...

Александр усмехнулся:

– Ну-ну, свежо предание...

– Дурак ты, – констатировал боевик-журналист. – Вы там, в Москве, ни хрена наших раскладов не знаете. У местного быдла всё равно Москва центром остаётся. По ней всё сравнивают. Смог зацепиться за Москву – тут пановать будешь. А с таким материалом, как вы, меня и в Москве на руках носить станут, когда вашего Путина скинут.

– А-а, вот тут я понял, – ещё более издевательски ухмыльнулся Александр. – То-то ваши в Киеве такую пургу несут, что смех и слёзы. Это они в московские выпуски новостей попасть стремятся.

«Хвостатый» встал, подошёл к нему, несильно, но хлёстко ударил по щеке.

– Ты не борзей, – посоветовал он почти равнодушно. – А то зачтётся тебе борзота. Один хрен, я тебя сломаю. Даже без применения силы. Ты хоть знаешь, благодаря кому ты здесь оказался?

– Благодаря вам, – буркнул Александр.

– Не-а! – торжествуяще возгласил боевик. – Благодаря своим!

Молчанов изобразил удивление:

– Как это?

На самом деле головоломка в его мозгах уже сложилась. Почти. Просто он... Боялся? Нет, не боялся, а... не хотел сформулировать окончательный ответ!

– А так, что даже в вашем агентстве есть люди, сочувствующие нашему делу. Считающие нашу борьбу правой. Ненавидящие вашего Путина. Не будь дураки, сами нарисовали нам эту красивую операцию: корреспондента РИА ловят возле линии фронта за тем, как он вместе с террористами-казаками ставит мины в полосе украинских войск. Прикинь, корреспондент РИА – настоящий террорист! Мы и убитых найдём, что на ваших минах подорвались. Осудит тебя наш демократический суд, потом обменяем на Надежду Мавченко. Вот тебе ваша агрессивная Россия, засылающая корреспондентов-диверсантов, – раз!

– Белыми нитками шито, – покачал головой Александр. – У меня биография известная. Все знают, что я – чистый журналист.

– Ну, это вопрос толкования, – мотнул своим хвостиком командир боевиков. – Вот засним вас завтра, как вы на нашей территории мины ставите, – и порядок. Мы ж с тобой журналисты, мы прекрасно понимаем, что публика схавает то, во что хочет верить. А в агрессивную и террористическую Россию хочет верить весь мир. И вы даёте к этому все основания! Да и ты сам написал столько всякой хреновины про «русскую весну» и гадов-хохлов, что собственное начальство задолбал до смерти! А ты думаешь, отчего тебя сюда отослали? Чтобы ты там не отвечивал, не мешал умным людям агентство твоё правильно преобразовывать.

Это Молчанов и так давно понял. Вот только на Донбасс напросился сам. Здесь творилась история, где настоящая Россия возрождалась, стряхивая с себя уродливый и уродующий её либеральный кокон.

Дурак? Может быть. Как говорится, разумное начало в любом человеке всегда есть. Это факт, а не вопрос веры. Проблема в том, что разумного окончания может не быть...

– А отсюда следует второе, – продолжал «айдаровец». – Дискредитация всех вас, россиянок патриотствующих. Патриотизм – последнее прибежище негодяя, верно сказано. Вот он, патриот россиянский, – злоупотребляя своим журналистским статусом, мины ставит на солдат, которые свою родину защищают от террористов. Под это дело наши друзья в вашем агентстве хор-рошую чистку проведут! Только представь, что начнётся, когда тебя на пресс-конференции в Киеве покажут! А у вас выборы близятся. Нужен для правильной, антидиктаторской России такой инструмент, как главное информационное агентство? Конечно! А кто мешает? Вот такие, как ты. Занимают должности, которые могут и должны занять правильно настроенные люди. Так что попал ты конкретно, попал грамотно! Вернее, грамотно сдали тебя...

Он оборвал себя на полуслове. Но, собственно, договаривать ничего и не надо было. Пазл сложился. Главный редактор лично засылает корреспондента поближе к линии соприкосновения. О том предупреждаются руководители нацистского батальона, которые куда более свободны в своих действиях, нежели командиры ВСУ. В итоге командование «Айдара» проводит операцию по захвату подставленного собственным же начальством журналиста, на чём ещё и зарабатывает пропагандистские очки и соответствующие бабки.

Хорошо придумано, надо признать. Интересно, напрямую Филимонов с этим уродом договаривался или через более высокий уровень действовал?

Скорее первое. Иначе этот нацик не пытался бы сделать бизнес на их захвате. И для чего надо было ему продавать нас иностранцам? Спросить? Хуже не будет... Вернее, пусть будет хуже!

– А наёмники иностранные при чём? – как мог презрительнее задал вопрос Александр. – Им-то ваша пропаганда по боку. И самим светиться ни к чему...

Айдаровец тяжело, со значением, посмотрел на него. Потом сказал медленно:

– Догадливый, значит... Вот только тут ты подписал себе смертный приговор этими словами. Наёмников здесь нет. Есть добровольные военные советники. Обучают овладевать своей военной наукой. А заезжали мы к ним зачем... Может, сам догадаешься? Если угадаешь, будем договариваться. Я ведь могу не просто тебя отпустить, но и помочь тебе отбиться от своего начальства.

– С хрена ли? – поинтересовался Александр. Догадываться ему ни о чём не хотелось: боль в плечах и запястьях мешала сосредотачиваться. – Тебе ж надо агентство наше дискредитировать?

– Ха! – победно воскликнул «хвостатый». – Мне, патриоту украинской нации, ещё выгоднее, чтобы вы все там друг друга сгрызли. А потом мы к вам пришли бы и восстановили единое государство – Киевскую Русь!

– Во как? – неподдельно поразился Молчанов. – По Копчинскому прямо!

– За это многие истинные патриоты выступают, – отрезал нацист. – Это вы, мордва поганая, у нас, настоящих русских – руських – и название отняли, и историю, и земли. Настала пора вернуть всё по исторической принадлежности – в Киевскую Русь.

Кажется, появился шанс раздражить этого урода. Историю Древней Руси Александр знал неплохо – детское ещё увлечение.

– У вас-то? – хохотнул он. – Да кто вы такие?! Киевская Русь под татарами кончилась! Не удержала государственности, скончалась. И вообще Киевской её называли только историки, в XIX веке. А была она просто Русь или Русская земля...

– Давай не свисти тут! – лениво процедил «айдаровец». – Всем известно, что столицей Руси был Киев. Ты не смотри, что сам, мол, московский, а мы тут вшивые селюки. Что, мол, спорим только, что лучше – Полтава или Мариуполь. Мы тоже историю знаем. У меня специальная рубрика в газете была – про подлинную историю Украины...

– Ту, которая от укропитеков? – нарочито издевательским тоном осведомился Молчанов, вспомнив забавный памфлет, вычитанный где-то в сети. И, изобразив серьёзность на лице, пересказал историю о том, как английские учёные якобы нашли у села Великие Геевцы на Западной Украине древнейшую в Европе стоянку прачеловека – укропитека, или Великогеевской обезьяны. Отличался он особо малым объёмом черепа, способностью высоко скакать и кистью руки с развитой способностью хватать. Он же первым преодолел животный страх перед огнём, что объясняет недавние факельные шествия по городам Украины. А каменный уголь Донбасса – не что иное, как отложения с укропитековских стоянок.

Он нарывался, конечно. Упрямо. Как, должно быть, солдат, вызвавший огонь на себя в отчаянной ситуации. Решивший, что всяко лучше умереть быстро от собственного осколка, чем попасть в руки фашистам или душманам.

Вот только солдат тот наверняка всё равно в глубине души надеется, что произойдёт чудо, и его не заденет осколком. Или заденет, но не убьёт. Разумом солдат понимает, что поступил правильно, что выхода иного нет – или есть очень поганый. Но душа солдата всё же до конца надеется и молит, чтобы враги все пали, а он уцелел...

У Молчанова не было теперь даже этого теневого страха и даже этой последней надежды. Он уже вполне увидел тот самый поганый вариант – который ещё похуже будет, нежели смертные муки тела в руках исламистских фанатиков: смертные муки души. И душа тоже это увидела. А потому не просто смирилась с близкой гибелью, но полностью приняла её. Как необходимую и даже желанную меру. Меру того положения, в котором он, Александр, оказался. Меру выхода из него.

Вот только задача у него посложнее, чем у солдата. Ему надо вызвать огонь на себя не от своих даже, которые всё поймут. Огонь надо вызвать со стороны врага. Который как раз убивать-то и не хочет, а изо всех сил стремится сохранить ему жизнь. Такой вот парадокс...

В Интернете всякие свидомые уроды подобных дискуссий с ним не выдерживали и переходили на жалкий матерный вой. И отфренживали. Может, этот «знаток истории» тоже сорвётся и «отфрендит» его пулей из пистолета?

Но тот, сука, словно читал его мысли и психовать не собирался. Наоборот, развалился на компьютерном кресле и вальяжно заговорил:

– История Украины – это последние три тысячи лет. А миллион лет до того – это праистория Украины. Об том недавно один наш академик сказал. Черное море копать или там горы насыпать – это для дебилов, для вас вот, чтобы ядовитой слюной исходили, не ведая, что это мы так над вами издеваемся. А три тысячи лет истории – это наше точно, отдай и не греши. А вы, москаля, – финно-угры, которых мы в своё время покорили, оцивилизовали, язык свой дали. А потом вас ещё азиатские дикари отатарили. Поэтому как раз мы – русские.

Александр засмеялся вызывающе:

– Дурашка, комзомоль тебя обмануль! Русскими вы стали, когда русский князь Олег из Новгорода в Киев пришёл. А то так и сидели бы по лесам племенами древлян диких да волян. А через века кто избавил вас от турок да крымчаков? Москва. Потому как сами вы, уроды...

Задел он нацика! Щёку ожёг новый хлёткий удар. Айдаровец глядел зло и остро. Но взял себя в руки:

– Провоцируешь? Считаю, добился своего. Ответишь... Но не сейчас. Пока ты мне цельным нужен. И дружки твои. Вот завтра заснимем вас за постановкой мин, а там уж начнём ломать по-настоящему. И ты у меня наглость свою с собственными кишками глотать будешь. А пока я с тобой ещё побеседовать расположен.

– О чем с тобой беседовать? Вам же историю свою начинать с 92-го года никак не хочется. Вот вы и пытаетесь её вычленивать из нашей общей истории. Из истории, кстати, собственного народа, единого тогда! Да ты хоть знаешь, что былины про Владимира Красное Солнышко сохранились на берегах Белого моря? Не здесь. Предания – это ж душа народа. А тут у вас – гуляй-поле с перекасти-полем!

– Да здесь у нас цивилизация была, пока вы не явились! Про битву на Синих Водах слышал, журналюга кацапская? Или у вас в школах про это не рассказывают? Пока ваши князья зады ханам да мурзам лизали, мы под Литвой свободными людьми жили. Почти за двадцать лет до вашей хвалёной Куликовской битвы татар разгромили! А вы ещё сто лет дань им платили, холуи москальские!

– Мы-то дань платили, зато к себе чужаков не пускали. Князья у нас распоряжались – свои. А вас в Речи Посполитой свои же, ополяченные, холопами сделали, веру чужую навязали, нагнули так, что до сих пор не разогнёте. Только и прикидываете, под кого бы лечь.

– Да уж не под вас, москалей клятых! Качайте там свою нефть в своих болотах. Ничего другого не умеете. И еще ползать будете у нас под ногами, чтобы в Европу пробраться. А ей лет десять-двадцать, чтобы с вашей нефтегазовой иглы слезть, нужно. И тогда она всё вам припомнит. А мы поможем. У нас память хорошая. И злые мы.

– Это мы, видать, слишком добрые. Отродье бандеровское по лагерям раскидали, а потом выпустили вместо того, чтобы в расход пустить.

Нацик не обиделся, а словно обрадовался:

– Во! Вот это самое потом повторишь на пресс-конференции! Вот тебе украинцы спасибо скажут – просветишь, что их ждёт, если русские придут!

– С украинцами столько лет жили мирно и будем жить. В России вообще никого чужими не считают. Живут все, как хотят. Татар, что ли, к ногтю прижимают? Веры лишают, языка родного? Запрещают по-татарски говорить? С чеченами – воевали, а как те опомнились, в состав России вернулись – живут себе спокойно, никто им в душу и в дом не лезет. Захотите

строить себе нацию с Бандерой во главе – стройте! Только не на нашей общей земле. В Канаде вон вас уна-унсошные недобитки ждут не дождутся!

– Ишь, раздухарился москалик! – хмыкнул айдаровец. – Ты ещё со своей Москвы нас тут делить будешь. Да мы всегда украинцами были и всегда с вами, москалями, отдельно жили.

Всё же странно... Вроде, ярится нацик, но на нервы не выходит. Вместо того чтобы пистолетом махать, чуть ли не академическую дискуссию ведёт. Ладно, позлим его ещё...

– Опять врётся! Даже под поляками население этих земель считало себя русским и православным. Только верхушка из кожи вон лезла в шляхту попасть. Как сейчас лезет в Европу. Это правители ваши – предатели собственного народа. Так что Россия по всему имеет право вымести всех вас отсюда. Вопрос чисто в цене. Но у вас при этом раскладе нет даже права голоса. Тем более после того, как начали стрелять и жечь...

– Нет? Ха! Украина – полноправный член ООН и признанное всем миром государство, – презрительно процедил «айдаровец». – Причём признанное в тех границах, которые Россия нарушила. А то, что Российская империя существовала хрен знает с каких времён, – тут, если следовать даже твоей кацапье логике, ваша нынешняя эрэфия вовсе не имеет права на, скажем, Калининград, Сахалин и Курилы. Это если только по верхам пройтись.

– Э-э, вот тут стоп! Законы ООН, как показали ваши нынешние хозяева американцы, существуют только для слабых! Для сильных своё, отдельное право. И Россия, перешедшая в лигу сильных, просто делает на своей территории то, что считает нужным. Но – на своей! Вот так! Даже Сталин в 39-м только земли Российской империи вернул, чужого не взял. Не говоря уж о 45-м.

С теми Сахалином и Курилами – вообще дерьмо вопрос! Сахалин и Курилы были российскими по праву первооткрывателей и, так сказать, первозанимателей. По части Курил можно ещё спорить, но японцы в этом споре никто и звать их никак. Им не надо было начинать войну в 1904 году – были бы Курилы их. Но полезли на Россию – огребли ответку, хоть и не сразу, а только в сорок пятом. Но огребли же! Вот и потеряли территории в наказание за агрессию.

– Тогда Украина аж до Кавказа все земли имеет право занять. В ответ на вашу агрессию и аннексию Крыма...

– Это вам сначала победить надо Россию. Давайте, дерзайте. Но я не о том. Нынче на каждый правовой аргумент в международных делах найдётся с десятков контраргументов. Но один факт неоспорим – что нынешняя ваша хунта пришла к власти в ходе незаконного государственного переворота, к тому же в опоре на фашистов. Уже бывало такое. Но только после фашистского переворота сидеть и хныкать, что у тебя что-то отняли, – не получится. Или иди, как Гитлер, до Сталинграда – а остановят тебя гораздо раньше, – или сиди молча. А то сил на бабу взлезть имеешь, а вот чтобы с бабой что сотворить – соседа зовёшь.

– А чего звать-то? Весь цивилизованный мир и так против вас. Мы – только начало ответки. Это к вопросу о нашей победе над Рашкой – когда весь мир против вас поднимется, посмотрим, как вы запоёте.

– Ну да. И за Наполеоном вся Европа шла, и за Гитлером... А в Париже и в Берлине мы стояли. Только жаль, не добились прихвостней фашистских у себя дома.

– Ты, кацап, хоть разницу знаешь между фашистами и националистами?

– Да по фиг! То, что миллионы людей на Донбассе повидали, они зовут фашизмом. И относятся к вам как фашистам. И конец вам будет такой же.

Ударит? Должен! Нет, собака, только ухмыляется:

– Дурак ты! И дурь это пропагандистская! Мы – не фашисты. Мы – за Украину. Где вот сейчас, здесь, нашими руками и кровью павших героев создаётся новая украинская нация. В том числе и русские в этом участвуют. Я сам – русский по крови. Но – украинец по нации. И ты тут хоть изойди дерьмом на фашистов, но мы – не они. Мы – националисты в самом благо-

родном значении этого слова. Недаром здесь, на Донбассе, целая куча русских воюет против российской агрессии и бандитского сепаратизма...

– От национализма до нацизма – меньше скака воробьиного. Можешь сколько угодно доказывать, что на Украине фашистов нет, а воюют против собственного населения ангелы в солдатском обличье. Скажи, жители села Сокольники сами дома свои подорвали и сами себя расстреляли в знак раскаяния, что участвовали в референдуме о независимости?

– Ангелы, говоришь? А хочешь, я тебе предъявлю видео, где сепары местные или приезжие из Ухты на камеру признаются, что убили десятки пленных украинцев? Или это тоже пропаганда?

– Тухлый номер, – возразил Александр. – Ты ж меня самого завтра выгонишь мины расставлять. Убеждай кого другого, я-то – профессионал. Что ваши ангелы творят на Донбассе, своими глазами повидал. Предположим, я тебе поверил, что ваших пленных расстреляли. И вот что скажу: мне лично погибших украинских ребят ничуть не менее жалко, чем луганчан, донецких или ухтинских. Я про тех из ваших, кого забрили в армию и бросили в эту мясорубку. Но вас, сволочь идейно-нацистскую, я бы сам расстреливал.

Удар ногой по рёбрам свалил его с табурета. Кажется, на секунду он потерял сознание, но очнувшись, новой боли не почувствовал. То ли адреналин действовал, то ли общее возбуждение. Ну теперь-то, падла, вытащи пистолет! Давай, гад!

Нет, справился с гневом нацик.

– Ладно... – неожиданно хладнокровно сказал «айдаровец». – Забить я тебя всегда смогу. И болтал только для того, чтобы выяснить, насколько ты упоротый.

– Выяснил?

– Упоротый, куда там! Просто по ходу выяснил, что не журналист ты. Не объективный потому что. Ты должен быть *sine ira et studio*, без гнева и пристрастия. А ты мне тут целую лекцию прочитал про право России вторгаться и убивать по праву сильного. Ещё исторически обосновал. В общем, спасибо тебе, сам себя ты из журналистов изгнал, а значит, стал тем самым россиянином-агрессором. И те, кто запись разговора нашего прослушают, придут к тому же выводу...

«...Ах ты, сука! – выругался про себя Молчанов. – Думал, спровоцирую, а вместо этого сам на провокацию попался. Как щенок. Смонтируют запись, и готово – московский журналист с целой программой антиукраинских взглядов и вызовов»...

– В общем, ты попал, – словно прочитал его мысли айдаровец. – Ты в моей власти, усеки это. Это – моя операция, и отчёта с меня за вас никто не спросит. Прикажу вас завалить здесь – никто не чихнёт, а чихнёт – война всё спишет. Подложим вас с оторванными ногами возле Попасной, зафилмуем, как вы мины ставили, да сами на них подорвались, когда мы стрелять начали. То есть всё будет то же самое для вашей дискредитации – только вы жить уже не будете. И ни при каких обстоятельствах героями вам не стать. Сами не захотите, так тушки ваши будут сотрудничать. Мёртвые не сопротивляются...

Он зло осклабился, склонившись к пленнику:

– Так я в последний раз мирно спрашиваю: будешь сотрудничать?

Прошипеть «пош-щёл ты...» Александр не успел...

Глава 3

Машину приткнули недалеко от газозаправочной станции на выезде из города. Идеальное место, хотя и не без риска.

К территории пансионата просачивались осторожно. Вряд ли, конечно, «укропы» в зоне на собственной территории понаставили растяжек, но чем чёрт не шутит. Хорошо, что уже достаточно стемнело – стояла та лохматая серость перед окончательным приходом зимней ночи, когда вроде бы видно, но одновременно всё сливается, остатки света накрываются побегами темноты, и картинка расплывается и растворяется. ПНВ пока мало пригодны, но без них уже не особо и разглядишь осторожно перетекающие из тени в тень четыре фигуры в тёмном.

Сюда, к профилакторию, их вывела снова Настя. Алексей представлял себе громадину ТЭС, и не мог представить, где искать похищенных. Нацки «Айдара» располагались неизвестно где... и как. Станция работала. Вроде бы заминировали её, по крайней мере грозились. Значит, как минимум посты у соответствующих выводов проводки, у «рубильников», проще говоря. А где там подвалы, пригодные для содержания пленных? Да где угодно!

С другой стороны, держать пленных на глазах у рабочих, что продолжают обеспечивать работу станции, неудобно, да и рискованно. Скрыть нельзя, среди рабочих пойдут разговоры, кто-то увидит, как пленных привозят-отвозят, куда-то надо девать трупы тех, которые не выдержат допроса...

Где-то ещё, а где?

«Ладно, – отстукал он эсэмэску, – давай адрес племяша. А то ТЭС большая где искать? Пусть предупредит, что останусь у него а то не успею до вечера».

Ответ пришёл через три минуты:

«Дом возле перекрестка ленина и республиканской напротив дорожки на Пансионат ТЭС».

Ага, пансионат нарочно написан с большой буквы. И станция тоже. То есть перенаправляют их от ТЭС к пансионату. Вычислили, что там база у нациков? Наверняка! Иначе бы Настёнка не выделила это слово. Ну, работают! Ну, значит, и нам работать...

А где он, этот пансионат? Карту, по идее, все помнили, но надо ведь к местности привязаться...

Проехали по улице Ленина. Правильнее сказать – по улочке. Домики двухэтажные, перед ними деревья, вдоль проезжей части газончики. Идиллия, должно быть, тут была перед войною. Особенно летом, когда всё зеленело вокруг. Жить бы и жить в таком домике! Бегать на пруды вон, или на реку – всё рядом! На стадион. А по вечерам гулять до ДК вдоль этих газончиков по тротуарам, смотреть кино, причём с последнего ряда, и не столько смотреть, сколько целоваться с девчонкой в темноте, как бы случайно кладя ей руку на грудь и с удовольствием ощущая, как замирает подружка в сладкой истоме...

А совсем вечером сидеть на колченогой самодельной скамеечке в заросшем травой дворе и смотреть на лохматое от звёзд небо. И представлять, как там кто-то сидит точно так же и смотрит на тебя... И снова целоваться, а снова давать волю рукам, и успеть добраться куда-то, покуда её рука не остановит твою уже твёрдо – на пороге самого сокровенного...

Счастье! Брянск, Счастье – какая разница! Одна русская земля, одни русские люди. Одно счастье! И в этих здешних домиках у здешних парней и девчонок всё было то же самое, и та же судьба...

Да вот только не та... Не та оказалась судьба у всех у них, кто остался жить – и умирать – на осколках разорванной по живому страны. На клочках только что ещё единого Союза равных, растащенного по углам теми, кто не хотел быть равным. Кто хотел быть особым – и всего лишь

по причине, что придумал себе особые права. А те обосновал только тем, что дал себе труд родиться в своей национальности!

Как говорится, эх-х...

У пожарной части свернули налево, потыкались там меж домами и посадками, приткнулись к какому-то складу. Посидели, дожидаясь нужной темноты, разобрали сумки, обросли оружием, распределили сканеры и ПНВ. Злой взял спортивную сумку с «ксюхами» и гранатами. Если что – со стадиона идём. И штаны спортивные сверху лежат.

Глупости, конечно. Какой уж тут стадион, когда рядом война. Но и секунда ступора у противника – уже выигрыш. А дальше – как судьба ляжет.

Сам Алексей шёл – или, вернее, скользил вдоль теней от строений – налегке. Не считая визитницы или как там зовут такие ридикюльчики, в которой покоилась упругая пачка денег. Кое-как пристроил сумку за поясом – мешается, сволочь, но в машине не оставишь, а отдать некому. Пластун Еланец идёт в передовом охранении, ему сейчас полная свобода движений нужна. Потом, перед проникновением на объект, деньги передадутся ему – там уже Бурану, обученному городскому бою, нужно будет двигаться без малейших затруднений.

Как проникнуть на объект, он ещё не решил. А как тут решать, если никто там не был и ни разу не видел? Лишь приблизительно можно представить себе, что представляет собою небольшой профилакторий в виде двухэтажного здания с вынесенной столовой. Сколько там сейчас народу, какова система охраны? Это понять можно будет только на месте.

И ещё была надежда – что какими-то коммуникациями строеньице это связано с «материнской» станцией. Не может у такого серьёзного народно-хозяйственного объекта не быть бомбоубежищ или каких-то других укрытий на случай часа «Ч». А как их в своё время наставляли, у всякого убежища есть система вентиляции. В неё часовых не засунешь. Так что молись, чтобы в нужном месте находилась неприметная бетонная будочка, отверстия которой закрыты ставенками решёткой. Есть такая – считай, ты наполовину уже на объекте.

Вот только будет ли что-то подобное возле пансионата-профилактория? По идее, – должно. Всё ж край промзоны, станция рядом. А если и не убежище – так всё равно что-нибудь канализационное будет, электрическое. Куча людей ведь ежедневно моется, свет включает.

Найдём, короче. Часового скрадём и опросим. Опоросим... Хотя и шум, да чёрт с ним!

Всё это было огромной авантюрой – вот так вот идти на штурм незнакомого объекта без плана и без лада. Но весь их нынешний рейд был одной отчаянной авантюрой – это Алексей понимал теперь вполне отчётливо. Куда более отчётливо, чем когда заезжали на эту сторону с ребятами Лысого. И даже когда колесили здесь, следуя указаниям, что озвучивала Настя.

Наводки она давала точные, да. Как уж там вели идентифицированные трубки на «военно-торговой» технике – хоть бы и по спутнику! – Алексей не вникал. Да и не его дело. А если всё это время следили не за теми? И журналистов этих самых сейчас благополучно увозят, куда там нужно похитителям... Сейчас вчетвером пойдут они на штурм, а там – пустышка...

Изначально требовалось найти иголку – пусть четыре – в стогу сена. Кстати, не в одном. Половинкино – тюрьма «айдаровская» – могло? Могло – вот один стог. В Северодонецк могли увезти, где всё кубло укровской оккупационной администрации? Вполне – вот и второй. ТЭС – третий. В Станицу Луганскую, в комендатуру – тоже могло бы им отвезти туда пленников. Четвёртый. И куда-то они ещё возле Севера ездили – пятый стожок. Самый интересный, возможно. Да, ещё в Трёхизбенке зачем-то останавливались...

И везде, что характерно, – целое кубло «укропских» войск. Разворошишь – тут и останешься. Нет, сами-то, может, и отошли бы, но с четырьмя гражданскими... Бесплезняк. Может, и в самом деле надо было по первому варианту действовать? С огневым налётом, демонстрацией атаки, под ногами у которой группа проникает в тыл к поднятому по тревоге противнику и тихонько шарит у него, нацепив жёлтые повязки на рукава?

Да хрен его знает, товарищ майор! Которым тебе, Лёша, возможно, никогда и не стать в таких обстоятельствах.

«Я обидел его невзначай, я сказал: „Капитан, никогда ты не будешь майором“»...

Н-да. Ладно. Вот газовая труба, за ней лесопосадка. Так себе лесок, но спасибо и ему. Значит, на месте.

Разбиться на две боевые пары, как положено. Еланчик и Шрек – по дороге. В город торопятся. Заодно часового срисовывают, а тот пускай на них тарашится из-за заборчика. Так себе, кстати, заборчик, сетка-рабица. А начнёт боец тревогу поднимать – вроде как начался уже комендантский час? Тут как с тем динозавром и блондинкой – или встречу, или не встречу. Вроде он не в патруле. Идут ребята с сумками спортивными – и пусть их. Идут себе большой и маленький. Пат и Паташон. Откуда это? Никогда же не знал, что это такое. Да отец так приговаривал, когда о ком-нибудь длинном и коротком рассказывал. Так эти не из тех. Шрек просто большой и плотный, а Еланчик – поменьше и плотный.

Ладно, не о том думаешь. Что часовой делать будет? Каждого гражданского задерживать да досматривать – себе дороже. И так народ здесь волками на нациков зыркает. Сорваться может. А оно конкретному солдатику надо – стать ответственным за всё?

С другой стороны, не солдатики тут, а добровольцы нацистские. Эти могут и сглушить. По борзоте своей и вседозволенности. Потребует от припозднившихся прохожих подойти. Или наряд поднимет. Да тоже ничего. Ежели подзовёт – в ласковых руках Шрека окажется. Удивится напоследок, чего это у него рожа не зелёная.

А наряд – пока соберётся, пока добежит. Ребятки уже в лесочке за стадионом растворяются. Зато тут, на станции, бодрствующей смены не окажется. Всё потише. А смена из леса нескоро вернётся. Весной разве что, когда снег растает. Еланец умеет прямо за спиной откуда-то выныривать и в ножи брать. А Шрек с пистолетиком ему поможет. С левой стороны от преследующих, чтобы Витька ему сектор не перекрывал...

Танцует такой вариант? Плохо танцует! Но за неимением гербовой...

Но допрежь всего мы отнорочки поищем воздуховодные, наружу выходящие. Будочку поищем бетонную или хотя бы холмик с решёткой. Поползаем вдоль заборчика, вторую пару покамест в прикрытии придержав. А как найдём – тогда и пустим её отвлекать часового, когда тут решётку выламывать придётся.

Ох, погремим мы медными погремушками!

А что делать?

А вот нет будочки! Есть, насколько в бинокль с подсветкой разглядеть можно, отросток от столовой. Или тот самый воздухозасос, или, что скорее, люк для приёма продуктов. А это даже лучше. Это нас точно куда надо приведёт. Вот только отбоя дождёмся, пусть «укропчики» себе баиньки пойдут. И навестим больных.

Вроде бы должно срастись – сползал Юрка по периметру, срисовал часового по огню сигаретки. Курит, подлец, на посту! Не соблюдает устав гарнизонной и караульной. А значит, и все остальные службу волокут как попало. Хорошо, что нацики – гражданские ублюдки. Даже если когда-то служили. В расслабоне находятся.

Значит, тут какое-то отдельное гнездо. Основная-то база в Старобельске. Не исключено, здесь у них что-нибудь вроде офицерского общежития. Может быть? Вполне. В пансионате-то, в тепле и уюте. А личный состав где-нибудь на станции кукует. Или на техстанции, что-то ведь про неё говорили. Неважно. Когда часового скрадём, узнаем. А там и офицерика изыщем, спросим про пленных. Если поднимется шум, то пока тревожная группа от станции добежит, мы тут всё зачистить успеем. И свалим без прощания. Разве что парой растяжечек поблагодарим за приём...

Складывается? Ну, так-сяк. Но лучше вариантов не вырисовывается...

Всё! Так и решаем. Один остаётся наблюдать из лесочка, остальные к машине. Выждать нужное время. Или, может, до кафе-бара пойти, что ближе к станции, погреться? Работает он? По идее, может до девяти функционировать.

С другой стороны, пить нельзя, а мужики, которые вечером даже пива не взяли, подозрительны. Да и на служивых легко нарваться, со станции или с того же пансионата. Привяжутся ещё...

Ничего, не так и холодно. Посидим в машине, посменяемся. А часиков в одиннадцать и пойдём...

* * *

«Чтоб чужую бабу скрасть,
надо пыл иметь и страсть.
А твоя сейчас задача —
на кладбище не попасть...»

Вот зараза! Привязался куплет из вообще-то любимого «Федота-стрельца». Как будто ритм выстукивал.

Или молитву.

Потому что дело сразу пошло вкось. Еланцу всего и нужно-то было, что подползти к часовому у ворот, немножко его стукнуть и уволочь в лесочек, где человечку задали бы пару заинтересованных вопросов. И отпустили бы.

Душу на покаяние.

К этому моменту разведчики вызнали уже всё, что можно установить наблюдением: сколько постов снаружи – один, как они контролируются изнутри – спорадически, как и как часто сменяется караул – раз в два часа, как ведут себя часовые – вольно.

По результатам сей исследовательской деятельности было установлено, что «укропы» службу тянут как попало, разгильдяйничают всюду, за периметром не следят и вообще разговаривают громко и нечётко. Это может означать дополнительное нарушение устава внутренней и караульной службы вследствие употреблённых внутрь организма спиртосодержащих напитков. Причём нарушение систематическое – судя по тому, что оно запросто происходит в карауле. Да и когда «укропы» на этой войне трезвыми бывают?

И вот когда оставалось только всем этим воспользоваться в условиях не более сложных, нежели в сержантской учебке, и Еланец уже подполз на дистанцию броска, к фактически упакованному уже часовому, вывалился из двери пансионата второй с криком: «Дай курить!»

Нет, ну где логика, а? Как раз тот, что в помещении, должен себе иметь сигареты в записке, а вот тот, кто снаружи, обязан бдительно в ночную тьму и мечтать сменить с поста. Тем более что в ночь подморозило, а это чучело стоит в простом бушлате.

Нет, Донбасс, конечно, далеко не Новосибирск, где иной раз в карауле тулуп так заиндевет, что кажется – подожди ноги, и так и останешься в нём висеть, стоящем колоколом. Но и тут январь месяц – он не май ни фига...

И вот вам картина маслом! Вместо одного замёрзшего и потому ни на что не смотрящего часового стоят два урода посреди двора, курят и треплются по-украински о каких-то выплатах, которые им должны, но когда дадут и дадут ли – «це питання». А Витька во всём гражданском лежит в пяти шагах от дорожки и ни хрена с фоном не сливается!

Да, прав был майор Передистый, когда говорил: «Устав есть закон военнослужащего! Его соблюдение – долг, его нарушение – смерть!». Этим хохлам что, устав не писан? Добровольцы, блин, волонтёры хреновы!

И не подстрелишь их просто так – вон, в здании пара окон светится. Не спит кто-то. А кому не спится в ночь глухую, если он находится в расположении воинской части? Правильно, дневальному, дежурному по роте... И какому-нибудь офицерскому... ладно, уроду. Который пьёт в кругу сослуживцев. А значит, дойдя до кондиции, пойдёт проверять боеготовность вверенного подразделения. Либо просто по жизни из штанов выпрыгун и сейчас, оставленный на хозяйстве в качестве дежурного офицера, выжидает ночи поглубже, чтобы с кайфом навалиться на задремавшего дневального.

Картинкой вспомнилось, как в училище их как-то вот подобного градуса офицеры погнались воевать с Китаем...

* * *

– Рота. Подъём! Тревога!

Дневальный орёт так истошно, будто попал в руки банды гомосексуалистов.

Взлетают синие птицы одеял, белые призраки курсантских тел низвергаются с коек, десятки пяток выбивают дробь, приземляясь на холодный пол, дыхание и кряхтение сухих глоток.

– Тревога, рота!

Быстро! Будущих офицеров учили очень быстро строиться по тревоге. Отделенный сержант Ганыш ещё не прочистил горлышко со сна, а курсант Кравченко – шапка на голове – уже в штанах. Ещё полсекунды – обе ноги сразу нырь в сапожки! Гимнастёрку в один рукав, подхватил ремень и бегом к выходу из казармы, на ходу просовывая руку во второй рукав и застёгивая ремень и пуговицы.

За 15 секунд взвод в строй становится! Только для чего это надо? Неисповедимы пути военного разума...

Голос ротного подгоняет:

– Быстрее, воины! Бушлаты, рукавицы надеть! Открыть ружпарк!

Опа! Что-то серьёзное! Три часа ночи – непохоже, чтобы на стрельбище собирались...

Обидно было, помнится, в самом начале службы расставаться с иллюзией. Но, оказалось, это только в кино так солдатики оружие расхватывают – по порядку, автомат за автоматом, как на конвейере. На самом деле, перед курсантом сейчас только одна богиня мысли летает: скорее взять, что надо, – и в строй! Потому в ружпарке – толчея: один рвётся к пирамиде за своим автоматом, а другой уже бежит от неё, третий им двоим мешает, подсумок хватает, четвёртый в дверях с пятым сталкивается...

А ротный с замполитом, который по воспитательной, но которого звали по-старому, стояли уже нетерпеливо в хрустящей снежной ночи, когда перед ними постепенно затихали, выстаиваясь, курсантские шеренги.

Отцы-командиры брезгливо кривили губы и начали своё сообщение с определения, откуда эти недотырки курсантские все появились. Никакого открытия в биологии, они, впрочем, не сделали. Да они и не про биологию речь свою вели.

И в том, куда будущие офицеры с таким подъёмом дойдут – тоже не было ничего нового. И что с ними сделали бы, если бы...

А дальше...

– Рота, равняйся! Смир-рно! – пророкотал товарищ майор Брюховецкий, как звали командира роты.

Помолчал несколько секунд.

Между курсантами просачивались к земле снежинки, тихие, как разведчики в тылу врага. Сбоку горела жёлтая лампа, освещая запорошённый свежим снегом круг и делая людей не соответствующими прочему затемнённому миру призраками.

– Товарищи курсанты! – словно решившись, продолжил командир.

Сглотнул.

– Сегодня, в один час тридцать две минуты ночи китайские войска силами до двенадцати армий пересекли границу Российской Федерации!

Сделал паузу. Получилось красиво. В тишине кто-то потерянно ахнул.

– За прошедшее время китайские войска на трёх направлениях вклинились на российскую территорию на расстояние до двадцати километров! – продолжал Брюховецкий ронять отрезающие мирное прошлое слова. – Захвачены города Благовещенск и Хабаровск, тяжёлые бои идут на Читинском и Владивостокском направлениях... Наши войска несут тяжёлые потери, – довершил он картину далёкого апокалипсиса.

Рота молчала. А что тут скажешь? Да и команда «смирно» не располагает к участию в дискуссии.

Видно только, что строй покачнулся немного.

Собственно, в себе Алексей никакой особой тревоги не чувствовал. Пошлют – повоюем. Было скорее некое ощущение взгляда в обрывающуюся у самых ног пропасть. Но трепета боязливого не было. Был могучий интерес: ой, какая новая жизнь теперь начнётся!.. И живая готовность в эту жизнь окунуться.

В общем, не согласен был Алексей с тем курсантом, который ахнул.

Брюховецкий тем временем продолжал:

– Наше училище поднято по тревоге и готовится к переброске в район боевых действий. Задача нашей роты – самостоятельно, на лыжах, добраться до аэродрома в 19 километрах к северо-востоку и быть погруженной в самолёты. Нам придётся поторопиться, товарищи курсанты: события на Дальнем Востоке не терпят, выбито много офицеров, вам предстоит их заменить в строю. Вылет назначен через три часа, в шесть ноль-ноль...

На этом месте волна готовности затопила курсанта Кравченко. В ней утонул первый, самый естественный вопрос, который должен был бы у него возникнуть: какая, на хрен, замена выбывших офицеров курсантами-первокурсниками? В этом случае естественнее заменить их сержантами срочной службы.

Впрочем, под этой волной готовности к самопожертвованию барахтался, судя по всему, не он один. Потому что никто, ошеломлённый поведанной майором Брюховецким новостью, не догадался озаботиться вопросом, отчего никто больше не бежит по военному городку, почему не слышны звуки процесса приведения других рот в боевую готовность, почему, наконец, надо передвигаться до аэродрома на лыжах, если в училище есть свой автопарк? И какой, к чертям, аэродром к северо-востоку, когда военно-транспортная авиация базируется на Толмачёво, а он вообще-то к западу и вообще-то через город надо идти... ага, на лыжах! Или на Ельцовку, что ли? Так тот аэродром – к северу...

И китайцы, китайцы – при чём тут китайцы? Это в старые времена – дядя Эдик рассказывал – были с ними какие-то затыки. А теперь-то Советского Союза нет, президент вон вась-вась с американцами, девяностые годы на дворе – какая война, с какими китайцами?

...Лёгкие сомнения начали приходить курсантам в голову примерно через полчаса. Именно из-за лыж.

Из какого они материала выточены, эти лыжи, неизвестно, наверное, даже в ЦРУ. Это не узкие и гибкие гражданские лыжи. Это сварганенные под ширину подошвы два куска дерева, без всякого пружинящего прогиба по центру. Хорошо хоть, носки загнуты, а не просто плоские доски на ногах.

Посередке конструкции – брезентовая петля, в которую вставляется носок сапога. К петле прикреплена резинка, которую надевается на пятку. Всё, процесс обувания окончен – вперёд, наследники штурмовых батальонов маршала Жукова! На иных лыжах вместо резинки вообще были брезентовые ремешки. Хорошо, не верёвочки...

Как бы то ни было, именно битва с собственными лыжами в ночном лесу заставила наконец будущих офицеров озаботиться вопросом о войне с китайцами. Ежели таков уровень технического оснащения будущих спасителей Отечества, то как вообще воевать с китайскими агрессорами? Ответы находились немедленно, причём почему-то сплошь в виде ярко высвечивающих ночной лес метафор и эпитетов, издавна составляющих русскую солдатскую речь. И обращены оные были вовсе не к китайцам. Что китайцы? Китайцы мелочь! Надо было вместо доблестных курсантов их лыжи к китайцам отправить – те бы ещё до штурма Хабаровска мира запросили. Ибо страшен тот солдат, который на таких лыжах ещё и воевать может...

Ведь отчего так гуманен и милосерден к врагам российский солдат? Казалось бы: еле-еле от фашиста Сталинград отстоял, сам мёрз-голодал – ан делится своим пайком с отощавшим немецким пленным! И вот юный Алексей Кравченко тогда, в ходе своей эпической войны с китайцами, понял, отчего это так. Просто русский солдат настолько намучается во время своей службы с техникой и бытом, что враг ему кажется куда меньшим злом!

Но тем не менее приказ был приказом. И рота брела по заснеженному по грудь лесу с досками на ногах, которые автоматически делали из бойца доброго дедушку Мороза по отношению к любому врагу. Кроме того, правда, кто их сварганил, эти лыжи.

Не видно было даже звёзд – их загораживают кроны сосен. В этой чернильной темноте глаза можно было смело закрывать. Пользы от них – от глаз, имеется в виду, – тут всё равно не было. Разве что время от времени заметить мелькнувший впереди зелёный просверк от фонарика командира отделения. После чего наступить на лыжи впереди идущего бойца, услышать от него формулу настоящего положения мировой гармонии и ответить подходящим местом из неопубликованного Пушкина. Или Толстого. Времени Севастопольской обороны.

На войне с китайцами глаза не нужны. Язык там нужен, это да! И знание классиков в части непубликуемых выражений.

Словом, процесс осмысления ситуации был весьма затруднён. Но в конце концов среди натужного дыхания, пара из десятков курсантских глотков и равнодушных ко всему ёлок вызрел основной вопрос: а где все? Мы что, одни идём китайца обарывать? И ежели уж страна так вознуждалась в скромных услугах одной курсантской роты – отчего она не сподобилась её в грузовики посадить, а поставила на эти дурацкие лыжи? Там, понимаешь, Хабаровск кровью умывается, а мы тут вёрсты по лесу наматываем, на ежесекундно соскальзывающих с ноги тупых деревяшках!

Вот так и возникали солдатские бунты – с тихого ропота, переходящего в мат...

Ещё через час убеждение, что их дурачат, стало всеобщим. Дошло даже до распоследних энтузиастов. «Да он пьян же был!» – время от времени слышались бунташные гипотезы относительно мотивов майора Брюховецкого. И без того невысокий темп передвижения стал едва ли не ползущим. Сержанты надрывались зря.

Завершил ту китайскую войну сам ротный. То ли его курсанты сделали круг по лесу, то ли он каким-то образом обогнал всех – в своих сапожках, ага! – но рота – о радость! – обрела командира.

Был ли он пьян? Трудно сказать. Во всяком случае, подозрительный взгляд критически настроенного курсанта это не выявил. Видно было лишь отчётливо, что майор Брюховецкий глядел на своих бойцов с презрением, а комментарии, которыми он обменивался с замом по воспитательной части, вряд ли украсили бы послужные списки будущих офицеров. И хотя комментарии эти вряд ли кто позволил бы занести в эти списки в полном виде – впрочем, и в устной форме они были кратки и ёмки до чрезвычайности, – но смысл критики со стороны командира был вполне внятен. На лыжах бегать курсанты умеют не лучше беременных жаб, растянулись все, как вши на лобке у габонской проститутки (и почему – габонской? майор что, служил в Габоне?), третий взвод вообще где-то блуждает, небось и впрямь к китайцам

намылился... В общем, боеготовности никакой, и он, майор Брюховецкий ни к каким китайцам нас не поведёт, чтобы те от смеху не померли. Где их всех хоронить потом?

Вот так и проиграл Алексей Кравченко свою войну с китайцами...

* * *

Ладно, всё лирика... Картинка из прошлого мелькнула и спряталась. Оставив, впрочем, тепло на душе. Но сейчас и здесь стоит задача потруднее, чем найти китайцев под Новосибирском и уконопатить их армейскими лыжами.

Алексей размышлял, укрывшись от лишних глаз за глухой задней стеной столовой и глядя за угол в зеркальце, что держал в руке буквально на уровне снега. А в нём отражался Витька. И он был в сложной ситуации.

Двое других фиксировали тыл: Злой – Алексею, а Шрек – Еланцу.

Размышлять надо было быстро.

Что мы тут имеем? Тут мы имеем двух бодрствующих часовых, едва не топчущихся по Еланчику. Кроме них, здесь есть ещё некто, кто тоже не спит и жжёт свет вместо того, чтобы спать. И вряд ли это безобидный философ, задумавшийся над несовершенством мира. А кто? Дежурный по части? Жрущие водку офицеры? Какой-нибудь пан капитан, охмуряющий селянку, пока свет не станет лишним?

Наконец, у нас тут есть биллинг или что покруче из разведсредств «шефов», что дало наводку именно на этот объект. То есть имеется информация, которая говорит, что тут сейчас находится – или находятся – некто причастный к похищению журналистов-писателей.

И этот кто-то нужен живым и целым, чтобы с горячим желанием жить привёл их к месту содержания пленников. Вряд ли оно расположено далеко от этого пансионата – иначе с чего бы он их возил целый день с собою? Где-то рядом их должны держать. На ТЭС всё же? Или даже... тут?

Есть тут подвал? Какой-то должен быть. Какая-нибудь бойлерная. Или прачечная. Стирала же они постельное бельё постояльцам, когда тут мир был. Или куда сдавали, отвозили? Нет, вряд ли. Не такой уж развитый сервис был тут, в славном городе Счастье. Проще пар тройку стиральных машин в подвале поставить...

В общем, не исключено. Примем за вариант.

Ещё кто тут может быть? Охранники. Если пленные, то должны быть и те, кто их охраняет. Ещё должен тут быть какой-то постоянный или переменный состав постояльцев этого профилактория. Не работяги, конечно, не энергетики. Тех сюда, поди, и не пускают. Как-то так получается все века, что революционеры первым делом захватывают под себя то, чем прежде пользовались другие. У дворян – имения, у буржуев – заводы, у Советского государства – построенные когда-то для трудящихся пансионаты...

Значит, тут, конечно, не типичная казарма, а что-то вроде офицерского общежития. Следовательно, народу не так чтобы много. И комфорт. Относительный, военный, но – всяко не солдатский.

То есть риск войти в дверь и оказаться в ротной казарме с уставившимися на тебя парой сотен глаз – в разумных пределах невелик. С другой стороны, командный состав обычно более умел и боеготов, нежели средний боец...

А с третьей – не он ли, не комсостав сейчас и пьянствует в той комнатке, где огонёк горит? А что? – принесли водочки, разложили сала, огурчиков, сдвинули стульчики...

Стоп!

А если тут командный состав... А отчего тут не быть комсоставу... скажем, «Айдара»?

У Алексея натурально коротнуло в мозгу. А вдруг? А ведь и впрямь! Кто у нас ТЭС охраняет? Не «Айдар» ли? Где свободные от дежурства начальники отдохнуть должны? Личный

состав – на станции, а командиры – почему бы не здесь? Была ориентировка ведь по разведке, будто некое подразделение МВД где-то здесь базируется. А если не МВД, а Нацгвардии, как входящей в состав МВД? А что у нас «Айдар» как не батальон Нацгвардии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.